ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 124 (3469) Вторник, 18 октября 1955 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

В дни декады (1 стр.).
Вл. Луговской. — Сделано много, еще больше предстоит сделать (1 стр.).
Гр. Александров. — Слово к друзьям (1 стр.).
А. Еромицкий. — Первые обороты... (2 стр.).
П. Далецкий. — Взятка (2 стр.).
А. Берзер. — Слава подлинная и мнимая (3 стр.).
А. Злобин. — Сила нового (3—4 стр.).
Ф. Болсовер. — «В их глазах светится дружелюбие» (4 стр.).
Л. Зонина, Н. Разговоров. — По Москве с гостями из Франции (4 стр.).
Я. Путик. — Югославские встречи (4 стр.).

В ДНИ ДЕКАДЫ

Открытие литературной части декады. * В писательском клубе. * Встречи с читателями на предприятиях столицы.

Вчера был четвертый день декады туркменской литературы и искусства в Москве. Театры и музыкальные коллективы республики продолжали знакомить зрителей со своими спектаклями, вокальным, хореографическим и оркестровым искусством.

Каждый день туркменские писатели встречаются на литературных вечерах с читателями столицы. Эти встречи проходят как живое свидетельство нерушимой дружбы народов. Очень яркой была первая встреча в Колонном зале Дома союзов. Леонид Леонов, открыв вечер, горячо приветствовал туркменских гостей. И как бы в ответ ему Кара Сейтлиев, первый из выступивших поэтов, прочел стихотворение «Привет Москве».

Николай Асеев, прежде чем прочесть перевод из поэмы Берды Кербабаева «Аму-Дарья», говорил о том, с каким увлечением он переводил эту замечательную поэму, стремясь передать силу стиха и тонкость художественных деталей, которыми так мастерски владеет автор.

О творческой дружбе, связывающей русских и туркменских писателей, говорил Владимир Луговской, прочитавший затем свои переводы из туркменской поэзии.

Стихи, звучавшие на туркменском языке и в русских переводах, показали, как выросла за эти годы литература республики, путь которой подробно охарактеризовал во вступительном слове заместитель председателя Совета Министров Туркменской ССР Б. Чарыев. В литературной части вечера приняли участие А. Атаджанов, Б. Кербабаев, А. Кекилов, А. Ковусов, К. Курбаннепесов, П. Нурбердыев, Б. Сейтаков, Т. Эсенова. Горячими аплодисментами встретил зал народного поэта республики Ата Салиха.

В большом концерте, которым закончился вечер, было исполнено хором, оркестром народных инструментов, самодеятельным ансамблем чабанов-тюйдукистов и отдельными солистами много туркменских народных мелодий; в этих мелодиях, а также в выступлениях танцоров ярко проявилось самобытное искусство республики.

Туркменской поэзии была посвящена очередная «литературная встреча», состоявшаяся 16 октября в Центральном доме литераторов. Председатель правления Союза писателей Туркмении К. Курбансахатов представил собравшимся участников декады и кратко охарактеризовал их творчество. Писатели рассказали, над чем они работают, поделились творческими замыслами и читали свои произведения.

В воскресенье вечером туркменских гостей горячо приветствовали в своем Доме культуры работники Первого подшипникового завода имени Л. М. Кагановича. Вчера туркменские писатели встретились с преподавателями и студентами Энергетического института. Сегодня они посетят завод «Компрессор».

Вчера в Союзе писателей СССР началось обсуждение туркменской прозы.

Он памятник себе воздвиг нерукотворный.
И люди всех племен прямой дорогой торной
живую дань большой любви несут к нему —
признательность таланту и уму.

Вот и сегодня в ясный день осенний
сыны и дочери Туркмении пришли.
Привет, учитель, добрый русский гений!
Поклон душевный до земли!

Сергей ВАСИЛЬЕВ.

На снимке: **туркменские писатели Байрам Аннануров, Рухи Алиев, Павел Карпов, Берды Кербабаев, Бекге Пурлиев, Георгий Веселков и Курбандурды Курбансахатов в Москве, у памятника Пушкину.**

Фото Б. Федорова

Наши зарубежные гости

Около полутора месяцев гостят в Советском Союзе начальник отдела массовой художественной самодеятельности города Пекина Чэнь Цзя-пин и директор Дома массового искусства Ван Сун-шэн. Они побывали в Москве, Киеве, Ленинграде, где знакомились с работой художественной самодеятельности городских, районных и сельских домов культуры.

Вчера Чэнь Цзя-пин и Ван Сун-шэн посетили иностранную комиссию Союза писателей СССР. Гости интересовались работой с начинающими писателями, структурой и характером деятельности Литературного института имени А. М. Горького, литературных объединений и кружков, а также взаимоотношениями издательств с молодыми авторами. Гостей интересовало также состояние домов народного творчества и роль Союза писателей в организации репертуаров для этих коллективов.

Чэнь Цзя-пин говорил о том, что книги советских писателей пользуются большой любовью китайского народа. Свыше миллиона экземпляров составляют тиражи книг Н. Островского, Б. Полевого, Н. Бирюкова. Одноактные пьесы советских литераторов входят в репертуар многих самодеятельных коллективов. Об интересе советских читателей к творчеству китайских писателей говорил Ю. Лаптев.

***

В Москву по приглашению Союза писателей СССР прибыли известный немецкий писатель Леонгард Франк с супругой (Западная Германия) и итальянский писатель Карло Леви.

День поэзии в Харькове

16 октября тысячи любителей поэзии заполнили крупнейшие книжные магазины Харькова. Они пришли сюда на встречу с харьковскими поэтами, организованную отделением Союза писателей Украины и областным книготоргом.

Длинная очередь выстроилась у магазина № 4. На художественно оформленной витрине и на прилавках — произведения московских, киевских, ленинградских, харьковских авторов. Многолюдно в магазине № 12, расположенном в поселке тракторного завода. Здесь рядом с продавцами «торгуют» своими произведениями поэты А. Кравцов, Л. Галкин, молодые писатели Ю. Герасименко, В. Кочевский. Они выступают перед тракторостроителями с чтением новых стихов, делятся своими творческими планами, делают надписи на купленных книгах. За несколько часов магазин продал сотни книг.

ЗАМЕТКИ О ТУРКМЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

СДЕЛАНО МНОГО, ЕЩЕ БОЛЬШЕ ПРЕДСТОИТ СДЕЛАТЬ

Вл. ЛУГОВСКОЙ

Неузнаваемо изменился облик Туркмении. Изменились и люди, которые одели мертвую землю садами, напоили ее, возродили к жизни. Я не буду подробно говорить о хорошо известном: об успехах сельского хозяйства и промышленности Туркмении, о замечательных нефтяных промыслах Небит-Дага, Кум-Дага, Челекена, о магистрали Чарджоу — Кунград, о строительстве огромного Каракумского канала, о Сары-Язынском водохранилище, о новых городах и новых научных институтах. Как не расцвести поэзии, когда так расцвела вокруг жизнь? На наших глазах меняется облик страны. Явственно и зримо меняются форма и содержание стихов туркменских поэтов.

Что характерно для современной туркменской поэзии, на мой взгляд, взгляд человека, двадцать пять лет связанного с Туркменией и ее литературой? Прежде всего богатство, к которому пришла туркменская поэзия, разнообразие ее — тематическое, стилистическое, жанровое. Стихи не «причесаны» под одну гребенку, в них сохранены весь аромат Туркмении и своеобразие каждого поэтического таланта.

Поэзия туркменских поэтов проникнута высоким пафосом, пафосом созидания, борьбы, счастья в труде.

Тебе, мой бесценный, я жизнь подарила,
И труд мой твоей красоте послужил.
Ты — радость очей моих, рук моих сила,
Тепло мое, свет мой и кровь моих жил,
Ты—мысль и мечта моя ширококрылая,—
Дивною долей тебя наделила я.

А ты меня сделал свободной, как птица,
Довольство и счастье ты дал мне в удел...

Может быть, это женщина говорит о любимом? Но нет, не к возлюбленному обращена эта речь — это сборщица хлопка говорит о своем труде, о счастье трудиться, о радости, которую дает человеку свободный труд. Написаны стихи одним из лучших поэтов Туркмении — Берды Кербабаевым.

В творчестве этого поэта, очень многообразного, пишущего в различных жанрах, своеобразно переплелись мотивы советской поэзии с образами восточной классики. И это переплетение становится одной из ярких черт современной туркменской поэзии вообще. Берды Кербабаев — истинный певец Туркмении. В его поэме «Аму-Дарья» рассказана история туркменского народа — вековечная нужда в воде, борьба человека с природой, его победа над своенравной рекой.

Особое место в творчестве Кербабаева и, думаю, во всей туркменской поэзии занимает «Туркменская поэма». Это поэма о городе нефти Небит-Даге, сказочно расцветшем среди пустыни, о любви двух молодых нефтяников, о борьбе с природой. В поэме Б. Кербабаева образы героев, думаю, недостаточно глубоки, но роль «Туркменской поэмы», как произведения на тему о рабочем классе, несомненно, новаторская.

Интересна поэтическая работа покойного поэта Рахмета Сеидова. Его лирический голос всегда вызывает у читателя ответный отклик, будит в нем чувства трогательные и волнующие. «Приезжай!» — обращается поэт к любимой.

Приезжай!
На красу обновленной земли
Полюбуйся восторженным взором.
В край пустой и заброшенный люди
пришли,
Жизнь вернув пробужденным просторам.

Поэт талантливо пишет об освоении целины, и в этом его большая заслуга. К этой сложной теме мало еще обращаются поэты Туркмении. А ведь огромное число людей в Туркмении занято сейчас именно освоением целины. По сути дела, наступление жизни на пустыню — это тоже освоение целины.

Очень значительный вклад в поэзию своего народа сделал Чары Аширов своей стихотворной повестью «Конец кровавого водораздела». Не буду много говорить о ней только потому, что ее уже оценил в «Литературной газете» Б. Рунин.

А сколько запоминается отдельных отличных стихов! Один из старейших туркменских поэтов Якуб Насырли порадовал хорошим, взволнованным стихотворением «В дороге» — стихотворением о боевой молодости. Беки Сейтаков дал немало чудесных каракумских пейзажей, написанных кистью тонкой и уверенной, отличные стихи есть у А. Кекилова и Н. Помма. У одной из первых поэтесс Туркмении Т. Эсеновой мне особенно нравится «Лина Одена». А у молодежи! «Певец» А. Хаидова, «На берегу моря» и «Ночью в казарме» К. Курбаннепесова, «Ветер» и «Балханам» Д. Баймурадова...

Наследники великих Махтумкули и Кемине, туркменские поэты часто обращаются к традициям классической поэзии. В этом отношении характерно творчество Кара Сейтлиева. Почерк поэта отличают мягкая лирическая задушевность, хороший юмор.

«Баллада о цветах» — это стихи о мире, этой огромной, волнующей все сердца теме, и о вечной теме поэзии — любви. Джавад и Ясемен — герои «Баллады» — мало похожи на Лейли и Меджнуна, их любовь — не только влечение сердец, но и осознанная дружба, стремление к единой цели — к свободе, к счастью. В поэме передан аромат цветов, передано большое человеческое тепло. И хотя есть в ней некоторые неточности и небрежности, хотя случается, что о важном поэт говорит скороговоркой, думается мне, что все это в целом не умаляет заслуги автора.

В поэме «Кемал» поэт говорит об угнетенных трудящихся Ирана. Остроумно решение поэмы — маленький певец задержан «блюстителями закона» за то, что он публично пел песню:

Если шах одно яблоко даже
С нашей ветки сорвет на беду,
Все деревья тогда его стража
С корнем вырвет в народном саду.

Ребенка пытают, допрашивают: «Кто сочинить посмел такую песню?». А песню сочинил... Саади, и его — увы! — не посадишь в тюрьму. Так поэт утверждает силу слова, крылатость и бессмертность песни, выражающей волю народов к свободе. Работа Кара Сейтлиева так же плодотворна, как и многопланова. Он обращается и к бытовым темам, причем прицел его чаще всего точен, и бьет он сатирически метко.

Обращение к сатире становится показательным для поэзии Туркмении. Народы Средней Азии всегда отличались тонким чувством юмора. Блестящая сатира Кемине служит тому примером. После революции героическая тема как бы заслонила собой все остальные, но теперь туркменские поэты начинают вновь все чаще и чаще обращаться к сатире. Интереснее, успешнее других выступают здесь Берды Кербабаев и Кара Сейтлиев.

Показательно для современной туркменской поэзии и мужание молодых талантов, которые все больше завоевывают себе право представлять современную поэзию республики.

Полна искренней взволнованности лирика Ата Атаджанова. Последняя по времени его работа — стихи, только что опубликованные в десятом номере журнала «Октябрь», — представляется мне значительным вкладом в поэзию Туркмении.

Рядом — еще один поэт, того же примерно «поэтического возраста», недавний студент Литературного института Анна́ Ковусов. Он в значительной мере воспитан на поэзии русской. Сама архитектоника стиха, разрешение и постановка тем, выбор героев—все свидетельствует о творческом изучении им лучших русских поэтов. И это вовсе не значит, что он—поэт, стихи которого лишены национального колорита. Наоборот, Ковусов — поэт именно туркменский, и то, что он использует не только традиции восточной поэзии, обогащает его поэтический мир.

Ярко выражена в стихах поэта тема дружбы народов, тем более ярко, что подана она не абстрактно-поэтически, как это у всех нас часто бывает, а конкретно. Таковы стихи: «Слово о Москве», «Ленинград», «У Балтийского моря», «Огни Киева» и т. д. Обращаясь, например, к другу, латвийскому поэту, с тостом, А. Ковусов подчеркивает, что оба народа,— как бы непохожи друг на друга они ни были, — братья, что они идут рядом, плечом к плечу:

Друг, да будет повсюду
Успешною наша работа!
Где бокал твой?
Нельзя.
Чтобы он оставался пустым.
За латвийский народ,
Осушающий эти болота!
За туркменский народ,
Обводняющий земли пустынь!

И, найдя необходимую форму для выражения своей мысли, поэт подчиняет себе читателя, покоряет его.

...Туркмения — страна моей молодости, страна моей души. Сколько дивных превращений претерпела она на моей памяти. Недаром привлекала она умы и сердца стольких наших советских писателей. На судьбе ее, на ее становлении, на ее расцвете видишь все величие Коммунистической партии, советской власти.

Я помню женщину Туркмении, угнетенную и безмолвную. Женщину, не смевшую открыть рта, кроме как для рыданий. В доме своего мужа она не могла поднять глаз и, прикрыв лицо, должна была убираться прочь при гостях. Теперь вы можете прочесть веселые и гордые стихи молодой поэтессы Акджемал Омаровой «Приезжайте в гости!». Она смело приглашает гостей из всех республик посетить ее любимую Туркмению. К сожалению, о творчестве Омаровой можно судить только по двум (и не лучшим) стихам, опубликованным в сборнике «Копет-Даг», и по периодической печати,—книги молодой поэтессы до сих пор почему-то нет.

Чутко следит за ростом республики молодой поэт Шахер Борджаков. Он пишет и о трудовом подвиге рыбаков, и о дружбе народов, и о любви. Лучшее стихотворение (из тех, которые я знаю) было опубликовано в последнем номере «Нового мира». Оно еще раз свидетельствует об обращении поэтов Туркмении к сатире и об их удачах в этом жанре.

Активно участвуют в литературной жизни республики русские поэты, живущие в Туркмении. Среди них—Георгий Веселков, которому туркменская поэзия обязана множеством отличных переводов, молодые поэты Вадим Зубарев, Юрий Рябинин, Борис Климычев и другие. Для всех них жизнь Туркмении стала неотделимой от их творчества, стала их жизнью.

...Русская поэзия или латвийская, туркменская или норвежская — в ней, если это подлинная поэзия, всегда на первом плане человек. Человек создает поэзию, человек — главный предмет поэзии. Истина эта давно известна. Но до сих пор (это, правда, относится не только к туркменской поэзии) нередко случается, что образ человека лишен в стихах каких бы то ни было конкретных черт. Мы можем представить себе героя или героиню стихотворения как мужчину или женщину, как сборщицу хлопка или рыбака, как певца или воина, но... не как характер индивидуальный, человечески неповторимый. Постепенно туркменская поэзия отходит от ходульных и муляжных изображений человека. Это «освобождение» становится все заметнее и заметнее. Но до сих пор и у лучших представителей туркменской литературы бывают неудачи в этом отношении. Чем, например, отличаются друг от друга эти девушки?

Ты всем восхитила меня,
с тобой стоял я рядом, девушка!
Сверканием туркменских кос,
движеньями, нарядом, девушка!

— пишет поэт Сейтлиев.

Атакопек Мергенов в стихотворении «Ковровщица» пишет:

С тобой луна в сравненье не идет!
Стремителен бровей твоих разлет;
Заговоришь ты — с губ стекает мед,
Кивнешь — взметнутся кудри-мотыльки.

Эти девушки-красавицы (хотя против изображения красавиц в поэзии вряд ли кто-либо восстанет), к сожалению, похожи друг на друга — одинаково абстрактно-бесплотные, в ложно «восточном» духе.

«Стальной конь», трактор,—это уже не образ, если его употребляют все поэты и переводчики. Мужчины-«богатыри», пустынные просторы, облака, словно отары, соловьи, львы, орлы, титры — эти образы, эти слова настолько заезжены, настолько всем приелись, что потеряли уже свое образное значение.

Я не упрекаю всю туркменскую поэзию и только туркменскую поэзию. Подобную «стандартизацию» — риторическую ли, экзотическую или какую-либо иную — чрезмерную эксплуатацию отдельных образов мы найдем и в поэзии других народов. Это — общая беда, и сообща надо с ней бороться.

...Для меня Туркмения всегда была и остается страной, в каждом уголке которой я находил для себя новую поэтическую тему. Мне кажется, что туркменские поэты недостаточно используют большие тематические возможности своей страны. Возьмем хотя бы «тему границы» и изображение жизни народов по ту сторону границы? Почему эта тема мало затрагивается туркменскими поэтами? Правда, Кара Сейтлиев написал «Кемал». Но почему отстают здесь другие, почему так слабо волнуют поэтов Туркмении их близкие соседи, о жизни, о борьбе которых можно и должно много и интересно сказать?

А начинание, играющее такую огромную роль в жизни республики, — освоение целинных земель Туркмении? А тема Каракумского канала? А промышленность? Море? Красноводск-порт, нефтеперегонные заводы? Небит-Даг? Кум-Даг? Геологические исследовательские партии? И, наконец, такая острая, требующая творческой смелости тема, как борьба против пережитков старого быта, в особенности против феодального взгляда на женщину.

Не перечислишь всего того, что ждет вмешательства поэта!

Многого достигла туркменская поэзия за эти годы. Многое сделано. Еще больше предстоит сделать. Но силы туркменской поэзии быстро крепнут, и можно не сомневаться, что скоро нас порадуют ее дальнейшие успехи.

НЕДЕЛЯ ФРАНЦУЗСКОГО ФИЛЬМА

Слово к друзьям

Гр. АЛЕКСАНДРОВ,
кинорежиссер

ВЧЕРА торжественно началась Неделя французского фильма. В СССР прибыла большая делегация представителей французского кино. У касс кинотеатров уже несколько дней толпятся большие очереди зрителей, раскупая билеты. Миллионы советских людей с большим интересом смотрели, смотрят и будут смотреть прогрессивные французские кинокартины. Они понимают и ценят их.

Сложен и неровен был путь роста и формирования французского киноискусства. Переживая моральные, экономические и социальные кризисы, французские кинодеятели преодолевали множество больших трудностей и проявляли большую волю, талант и энергию, чтобы отстоять национальную независимость своего киноискусства. В этой борьбе сплотился большой отряд французской художественной интеллигенции, который выступал и выступает в защиту мира и национальной независимости своего искусства и своей родины.

Эта борьба за мир сближает нас с французскими коллегами, объединяет нас в стремлении служить своим искусством благородному делу дружбы и сотрудничества между всеми народами.

Когда советские кинделегации приезжают на прославленные международные фестивали, ежегодно организуемые Францией в Канне, советские мастера кино встречают радушное гостеприимство. Советские фильмы всегда привлекают множество зрителей и восторженно принимаются как на фестивалях, так и на просмотрах для киноработников.

Каннские фестивали по своему международному значению, пожалуй, самые важные из всех тех, которые происходят в западных странах. В них участвуют десятки государств, и просмотры многих картин становятся смотром кинопроизведений всего мира. На этих фестивалях мы подружились с многими французскими режиссерами, актерами, писателями, и сейчас у нас приятная возможность ответить им нашим гостеприимством за тот радушный прием, который они нам всегда оказывали.

Взаимопонимание между деятелями культуры имеет большое значение для укрепления «духа Женевы». Наши встречи будут способствовать этому миролюбивому духу сотрудничества, и их результатом может быть появление кинопроизведений, способствующих сохранению и укреплению мира. Двери наших киностудий, наших кинотеатров, двери всей нашей страны открыты для друзей, и мы хотели бы показать французским коллегам нашу страну, наш народ, наше искусство для того, чтобы они могли воочию убедиться во всеобщем стремлении советского народа к миру и дружбе с французским народом и всеми другими народами нашей планеты.

Мы радуемся вашему приезду, французские друзья, еще и потому, что мы многому хотим поучиться у вас.

На Неделю французского фильма приехало лишь несколько представителей искусства Франции, но будем считать, что это — только начало, что за приездом первой делегации последует приезд и других, что за группой первых картин на наши экраны будет выходить множество других французских фильмов. В этом смысле Неделя французского фильма должна способствовать расширению обмена фильмами между нашими странами, более тесному личному контакту кинодеятелей, более частым, не только торжественным, но и деловым встречам между нашими и французскими киноработниками. Мы надеемся встретиться для обсуждения творческих проблем с одним из самых крупных и известнейших режиссеров кинематографии мира — Рене Клером.

Мне довелось работать 25 лет тому назад на одной парижской студии в Эпинэ, где я снимал свой фильм «Сентиментальный романс». Рене Клер снимал тогда свой замечательный фильм «Под крышами Парижа». С тех пор, как постановщик и сценарист, он создал около 30 полнометражных художественных фильмов. Он стал писателем, и нам известны его романы «Адамс» и «Нитка в игле», его размышления, изложенные в очерке «Кино и разум». Нам известны его последние замечательные достижения в кино: «Молчание — золото», «Красота дьявола», «Ночные красавицы» и, наконец, его последний фильм 1955 года «Большие маневры», которым открывается Неделя французского фильма в Москве.

Советским артистам, писателям, режиссерам будет особенно интересно встретиться с замечательным французским артистом Жерар Филипом. Многим из нас довелось видеть его на сценах парижского театра дворца Шайо, слышать восторженные рукоплескания Парижа, когда он исполнял роль Рюи Блаза. В картине Клода Отан-Лара «Красное и черное» Жерар Филип играет роль Жюльена Сореля. Это один из самых сложных, самых богатых литературных образов во французской и мировой литературе.

Живость артистического характера, изумительная грация, юношеский темперамент, которым отличается мастерство Жерар Филипа, помогли ему воплотить этот образ на экране.

Уважение и восхищение, с которыми Жерар Филип отзывается о работе режиссера Отан-Лара, свидетельствуют о том, что между режиссером и артистом был достигнут тот контакт, который рождает успех.

«Отан-Лара, — говорит Филип, — единственный во Франции кинорежиссер, который умеет работать так быстро и притом не в ущерб качеству фильмов. «Красное и черное» представляет собой настоящий рекорд. Пять тысяч полезных метров за 17 недель!.. Отан-Лара делает только два дубля, тогда как другие режиссеры делают по 5 и больше».

Советские делегаты, участвовавшие в Каннском фестивале прошлого года, присутствовали на съемках фильма «Красное и черное», и мы видели, какое участие принимали артисты в литературной работе. Мы видели, что и сам Жерар Филип, а не только Клод Отан-Лара, подготовлен всесторонне к своему делу. Видимо, Жерар Филип знал весь роман Стендаля наизусть. Клод Отан-Лара готовился к постановке 12 лет, и это дало свои замечательные результаты. Фильм был сделан в рекордный срок на высоком художественном уровне. Французская критика писала, что «фильм «Красное и черное» принадлежит к числу достижений, которые открывают новые пути перед французской кинематографией и высоко поднимают ее престиж».

Для общественности Москвы будет также интересна встреча с одной из выдающихся артисток французского кино — Даниэль Дарьё, которая превосходно исполняет роль госпожи Реналь в картине «Красное и черное».

Даниэль Дарьё начала сниматься в фильмах с 14 лет, еще будучи студенткой парижской консерватории. Сначала она выступала в комедийных ролях, но после десяти комедийных фильмов она проявила себя в картине «Зеленое домино» как выдающаяся драматическая киноактриса. Будем надеяться, что мы увидим Даниэль Дарьё и во многих других фильмах, так как в ее репертуаре около 50 больших киноролей.

Москвичи увидят молодую артистку Николь Курсель, которая хорошо известна им по замечательной картине «Папа, мама, служанка и я».

Героиня картины «Жюльетта» Дани Робэн, танцовщица, оперная певица, многогранная киноартистка, также будет участвовать в Неделе французского фильма.

Мы рады будем приветствовать руководителей французской кинематографии и других членов делегации, но нам также хотелось бы приветствовать и тех артистов, авторов, режиссеров и операторов, которые не могли приехать к нам, и среди них Анри-Жоржа Клузо, создавшего прекрасный реалистический и драматический фильм «Плата за страх».

Фильм «Плата за страх» ярко показывает жизнь и жестокость нефтяных компаний. В этом фильме нет определенных указаний на адрес, где происходят события. Некоторые нефтяные компании приняли картину на свой счет и объявили фильм опасным и вредным, назвав его «сатанинским». Однако фильм «Плата за страх» имел заслуженный всемирный успех.

Наиболее сильный и волнующий образ в фильме создал Ив Монтан. Он показал себя актером огромных, поразительных возможностей. Его игра проста, жестикуляция свободна, все, что он делает, имеет важное значение для выражения идеи фильма.

Отлично исполняют свои роли и другие замечательные французские артисты: Шарль Ванель, Вера Клузо, Фалько Люлли и Петер Ван Эйк. Режиссер Клузо ездил в Центральную Америку снимать документальный фильм и привез оттуда солидный материал, давший ему возможность сделать свой фильм жизненно убедительным.

Мы увидим еще один фильм замечательного французского режиссера Марселя Карнэ. Это киноинсценировка романа Э. Золя, переносящая историю Терезы Ракэн в современные условия. Шарль Спаак мастерски написал острый диалог. В этом фильме Марсель Карнэ достиг новых вершин реализма.

Фильмы Марселя Карнэ очень различны. Французы считают его фильм «Дети райка» — пример романтического киноискусства — подлинным шедевром мирового кино. А его прошлогодний фильм «Воздух Парижа» сделан опять в новом жанре — это сатира на коррупцию и американизацию высшего французского общества.

Терезу Ракэн играет выдающаяся актриса Франции Симона Синьоре. Большой талант этой актрисы проявляется в ее работах как в кино, так и в театре. Сейчас Симона Синьоре вместе с Ив Монтаном выступает на парижской сцене в спектакле «Салемские колдуньи», и французские критики чрезвычайно высоко оценивают эту ее работу.

Мы уже восхищались фильмами замечательного режиссера Жана Поля Ле Шануа «Адрес неизвестен», «Папа, мама, служанка и я».

Фильм «Беглецы» занимает особое место в творческом пути Ле Шануа, и мы ждем его с особым интересом, зная, что этому фильму в этом году была присуждена Большая премия французского кино.

Неделя французского фильма, несомненно, увеличит интерес советских зрителей к французскому киноискусству, проложит путь большому количеству французских фильмов на советский экран, даст возможность более полно оценивать их сильные и слабые стороны.

Личное участие деятелей французского кино усиливает важность этого события. Нет сомнения, что эта неделя послужит делу укрепления дружественных, общественных и деловых связей между нашими странами.

Киноработники многое могут сделать для дела мира, работая в атмосфере дружбы и взаимопонимания, устремляя силу киноискусства на борьбу за то, чтобы человек человеку был другом, чтобы все спорные вопросы решались мирным путем.

С уважением и дружбой встречаем мы вас, дорогие коллеги. Мы желаем, чтобы процветало и развивалось ваше национальное киноискусство.

ПЕРВЫЕ ОБОРОТЫ...

РЕПОРТАЖ

Небо синее, чистое, но сердитый ветерок гуляет над Днепром и нет-нет да ударит по густой синеве днепровской волны, и мигом взметнется она. Колышутся над водой, неподалеку от плотины, верхушки одиноких деревьев. И здесь, где привыкли к виду растущих ввысь сооружений, эти верхушки деревьев — единственное, что убывает в своих размерах и вот-вот навсегда уйдет под воду. Но пока и эти деревья, и такие же одинокие столбы, и высокие осветительные мачты — все это служит для бетонщиков, арматурщиков, монтажников водомерными рейками, по которым они безошибочно судят, с какой скоростью прибывает вода.

Сантиметры и метры подъема воды — это миллионы и миллиарды кубометров драгоценной влаги в новом море. По другую сторону бетонной стены, поднявшейся над морем, в машинном зале, идет другой, но тесно связанный с водой счет.

В кратере, бетонном колодце первого агрегата почти две тысячи тонн точно пригнанных одна к другой деталей, весом от нескольких сот граммов до сотен тонн каждая, связаны в одно целое, в единый организм. Вечером 30 сентября первую воду из нового моря пустили на лопасти турбины, и первая Каховская стала набирать обороты...

Пробный, на холостом ходу пуск — это генеральная репетиция промышленного пуска. И если еще шаловливо резвятся воды нового моря, то уже близка пора его возмужалости, когда, по сути дела, это «дитя» — новорожденное море гидрологи записали в свои книги 14 июля — проявит свою богатырскую силу и завертит турбину на всю ее мощь, давая промышленный ток стране.

Их шесть, этих кратеров, которые не потому ли названы строителями так образно, что в них упрятывают вулканические силы агрегатов? Какая-то особая стремительная сила угадывается в кратерах перед бетонированием, когда они обшиты досками опалубки, похожими на разбегающиеся во все стороны, тесно прижатые друг к другу лучи. Кратеры в бетоне выглядят более спокойно.

На очереди — пуск первой турбины. Немного минет времени, и подойдет к концу монтаж и второго агрегата.

...К начальнику участка «Спецгидроэнергомонтаж» Анатолию Болдыреву поздним вечером заходит молодой инженер Георгий Лохматиков. Он, видимо, устал, но лицо светится радостью.

— Нашел, Анатолий Николаевич, нашел...

Болдырев любуется зарумянившимся от счастливого волнения лицом и спрашивает с обычной для него спокойной и доброжелательной улыбкой:

— Что нашли?

— Две сотых, Анатолий Николаевич.

— Поздравляю.

А когда Лохматиков уходит, Анатолий Николаевич говорит:

— А знаете, сколько времени он охотился за этими двумя сотыми миллиметра? Двое суток...

Орудовать сложнейшими деталями, весящими зачастую сотни тонн, с точностью сотых долей миллиметра, то есть с ювелирной точностью, — вот стиль работы людей, монтирующих эти мощные агрегаты.

...А новое море все наливается водой и силой. Еще расти и расти морю-великану, но войдет оно в полную силу весной 1956 года. И этому «младенцу» уже подготовили ложе на всю его, моря, длину протяженностью почти в двести пятьдесят километров. Вдобавок к четырем турбинам, какие одна за другой войдут в строй в остающиеся месяцы года, вешняя вода приведет в действие еще две, последние турбины, и новая гидроэлектростанция будет работать на всю мощь.

В эти дни мысли строителей невольно обращаются к тому незабываемому времени, когда все было первым...

— О чем задумались, Иван Григорьевич? — спросил я ветерана стройки, электрика Новикова.

Иван Григорьевич провел рукой по лицу, как бы смахивая возникшую перед глазами дымку:

— Вспомнилось, как зажигали первую лампочку, как пускали первую бетономешалку...

Весной 1951 года закончили строительством первый дом, а сейчас вдоль берега Днепра выстроились кварталы чудесного города.

В пасмурный февральский день 1952 года первые паровозные гудки огласили степь, и встречать первый поезд, пришедший из Федоровки в Каховку, съехались жители окрестных селений. Многое изменилось с тех пор!

По бычкам верхнего бьефа плотины будет проложен железнодорожный путь, по другую сторону плотины — автодорожный путь. Над шлюзом оба пути пойдут рядом. И будет так, что над бетонным ущельем шлюза, куда войдет пароход, загромыхает поезд. Рядом с ним, шурша шинами, будут мчаться машины. Сверху будет доноситься приглушенный высотой рокот моторов самолета, а у самых окон вагона будут кружить и кричать чайки.

Мачты линии передачи зашагали от Кривого Рога до Новой Каховки. И по проводам устремился ток на строительство. Но вскоре по тем же проводам на рудники и заводы Криворожья и Приднепровья пойдет ток Каховской ГЭС, и сторицей вознаградит она за оказанную ей помощь.

Щедрой, очень щедрой будет новая гидростанция. Ток потечет в села, колхозы и совхозы Николаевской и Херсонской областей, и в ближайшие же годы здесь появятся районы сплошной электрификации. Строится линия передачи Каховка — Херсон, и в числе многих предприятий Херсона энергию Каховки получит один из крупнейших в стране текстильных комбинатов.

Еще одна линия передачи ведет в сторону Снигиревки, где сооружается мощная насосная станция — сердце Ингулецкой оросительной системы. На высоту шестидесяти с лишним метров будут подняты воды Днепра. Русло Ингульца, углубленное на длине шестидесяти четырех километров, заполнят новые днепровские воды... Почти четвертую часть днепровских вод вберут в себя насосы станции, и Ингулец, повинуясь воле людей, потечет вспять, отдавая свои воды полям и плантациям. Прозрачные воды Днепра, распространившись по огромной территории, заплещутся и в чаше Октябрьского водохранилища под Николаевом и на севере Крыма, вплоть до Керчи.

Середина октября... Вода все прибывает, приближаясь к той отметке, когда она сможет передать турбине всю требуемую агрегатом мощность. А пока электрическая часть агрегата проходит сушку: электрический ток, который в нее направили, высушивая изоляцию, делает ее способной выдерживать натиск рожденных машиной электрических сил.

На монтажной площадке первой турбины и в машинном зале идут последние предпусковые приготовления. Уже проведены за последние два-три дня испытания агрегата под промышленной нагрузкой. Тщательно, с чувством огромной ответственности готовят турбину к бесперебойной работе монтажники, эксплуатационники, прибывшие сюда представители заводов-поставщиков.

У всех приподнятое, предпраздничное настроение. По вечерам высоко в небе на стрелах кранов и на крышах здания ГЭС вспыхивают огромные буквы призыва: «Встретим XX съезд КПСС вводом в действие в 1955 году четырех агрегатов Каховской ГЭС!». Этот призыв находит живейший отклик в сердцах каховских строителей, побуждает их работать еще производительней, интенсивней, вдумчиво и смело решать сложные технические задачи.

Они знают, что сооружение Каховского гидроузла — второго после Днепрогэса в Днепровском каскаде — комплексно решает огромную народнохозяйственную задачу. Ведь пуск Каховской ГЭС означает и получение нового мощного потока электроэнергии для промышленности и сельского хозяйства на юге Украины, и создание судоходного пути от Херсона до Запорожья, и бурное развитие ирригационного строительства на бескрайних просторах южных безводных степей. Это вдохновляет людей, это наполняет их труд глубоким содержанием.

А воды Днепра, точно пробуя новые свои силы, все настойчивее стучатся в стальные щиты.

А. ЕРОМИЦКИЙ

НОВАЯ КАХОВКА.
Херсонская область

Анна́ КОВУСОВ

И В А

Склонив свои ветки к воде
сиротливо,
Стоит от горячих песков невдали
Над желтым Мургабом плакучая
ива —
Зеленое чудо туркменской земли.

Со щек ее листьев
дыханье рассвета
Росинки, как слезы, сотрет через
час.
Поднимется солнце.
Пожарище это
Колодцы у нас осушало не раз.

Жгло темя купцу сквозь папаху
баранью,
В полете орлу опаляло крыло.
Но девичьи слезы,
коль верить преданью,
За десять веков осушить не могло.

Я еду дорогой, что стала короче.
В машине заснуть не могу, как
на грех.
И мне вспоминаются ясные очи,
Взволнованный шепот и девичий
смех.

Тяжелые косы роняя с обрыва,
В холодной росе предрассветных
минут,
Стоит над Мургабом плакучая ива.

Счастливые девушки рядом живут.

Перевел с туркменского
Я. КОЗЛОВСКИЙ

ЗАБОТА О РАЗВИТИИ КУЛЬТУРЫ

На днях Башкирский обком партии созвал в Уфе республиканское совещание по вопросам культуры. Башкирские писатели и композиторы, артисты и художники продолжили серьезный, деловой и самокритичный разговор, начатый в Москве в дни декады башкирской литературы и искусства.

С докладом об итогах декады выступил секретарь Башкирского обкома КПСС Х. Сайранов. Состоянию культурно-просветительной работы в республике был посвящен доклад зам. председателя Совета Министров БАССР С. Саитбатталова. Большую речь произнес первый секретарь обкома С. Игнатьев. О путях дальнейшего развития башкирской литературы и искусства говорили писатели, работники культуры, партийные работники. Высокая требовательность, непримиримость к недостаткам — вот что характерно было для этого совещания.

Творческий отчет в Москве подытожил успехи башкирской культуры, дал новую большую зарядку башкирским писателям, композиторам, художникам. Но после декады среди деятелей культурного фронта Башкирии оказалось немало людей, склонных переоценить свои успехи и жить дальше эхом декадных аплодисментов и похвал. Были такие товарищи и в Союзе писателей Башкирии.

Конечно, четыре месяца — срок небольшой. Вряд ли можно и нужно было ожидать, что за это время появятся большие полотна. Но четырех месяцев вполне достаточно для того, чтобы пересмотреть творческие планы, продумать, осмыслить и обобщить итоги декады. Этот срок был достаточен также и для организации обсуждений, дискуссий, споров по насущным литературным проблемам. К сожалению, ни в Союзе писателей, ни в местной печати за это время острых, интересных выступлений не было. Писатели работали в обстановке снижения требовательности.

Характерно положение, в котором пребывает сейчас башкирская лирика. В местных газетах и журналах после декады было опубликовано несколько циклов стихотворений. Среди них есть, конечно, удачные, свежие стихи. Но в большинстве случаев под маркой лирики шли стихи холодные, с претензией на внешнюю красивость, мелкие по мысли. Таков опубликованный в республиканской газете цикл лирических стихов Р. Нигмати. Много лет тому назад пришел в литературу Р. Нигмати. Он зарекомендовал себя даровитым, своеобразным поэтом. В его лучших произведениях есть и политическая острота и поэтическая взволнованность. Но этого нет в его последнем цикле. В ответ на дружескую критику Р. Нигмати написал стихотворение «Склоняю голову», в котором отверг эту критику и расценил ее чуть ли не как «расправу». Общественность резко осудила эти стихи, эту серьезную ошибку поэта.

Понял свою ошибку и сам автор. На республиканском совещании Р. Нигмати прямо заявил об идейной несостоятельности своего стихотворения. И это, конечно, хорошо. Плохо другое — то, что ряд башкирских поэтов, очевидно, не понимает существа высокой гражданской лирики; плохо и то, что Союз писателей Башкирии не почувствовал этого и не организовал серьезного обсуждения важной для дальнейшего развития башкирской поэзии проблемы.

На республиканском совещании говорилось, что башкирские писатели недостаточно тесно связаны с читателями. Во время декады башкирские писатели встречались со своими столичными читателями. На заводах, в библиотеках, в вузах и клубах подробно и требовательно обсуждались произведения башкирской поэзии и прозы. Но этот хороший опыт не был подхвачен Союзом писателей республики. Редкие встречи с читателями носят односторонний, часто только популяризаторский характер.

Переживаемый башкирской литературой этап заставляет предъявить серьезные требования к литературной критике — требования глубокого осмысления литературного процесса. Однако по сей день литературная критика в республике находится в неудовлетворительном состоянии. На совещании говорилось о слабой работе редакции журнала «Эдэби Башкортостан». Публикуемые здесь критико-библиографические статьи зачастую носят поверхностный и захваливающий характер. Принципиальная критика подменяется одной заботой — как бы кого не обидеть. Не обсуждаются на страницах журнала проблемы эстетики, не поднимаются вопросы теории социалистического реализма, художественного мастерства.

В выступлениях участников совещания критиковалась работа Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, стоявшего до сего времени в стороне от разработки актуальных проблем современной башкирской литературы.

Широкий партийный актив республики, представители ее творческой интеллигенции с большой заботой, по-хозяйски, говорили о действенной роли литературы и искусства в коммунистическом воспитании трудящихся. В этой связи большой счет был предъявлен к писателям-драматургам. Зритель давно ждет новых пьес на современную тематику. А башкирские драматурги проявляют непонятную медлительность.

Участники совещания призывали писателей почаще бывать в колхозах, МТС, совхозах и на стройках республики. При этом подчеркивалось, что знание жизни — это не только поездки в деревню, экскурсии на завод или шахту. Связь писателя с жизнью должна быть разносторонней, писателю необходимо **понимать** жизнь общества, глубоко **вникать** в законы его развития. И главное при этом — какими глазами смотреть на мир: глазами спокойного созерцателя или глазами борца, строителя.

Прошедшее в обстановке высокой партийной требовательности совещание продемонстрировало заботу партийной организации республики о развитии культуры.

Б. ГИЗАТУЛЛИН,
А. ПЕТРАШИК,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»

УФА

КНИГА ПРО НАС

Письмо читателей

Несколько лет назад к нам на завод «Русский дизель» в Ленинграде пришел писатель Иван Ильич Уксусов. Он задумал написать книгу о рабочих. Писатель решил, что самое правильное — непосредственно поработать на производстве. И. Уксусова зачислили в штат предприятия техником цеха внешнего монтажа. Он работал с нами около двух лет, всюду бывал, беседовал с людьми, писал в нашу заводскую газету, помогал редактировать ее, у некоторых рабочих писатель бывал на дому. У нас все горячо поддерживали его.

Теперь роман И. Уксусова «После войны» опубликован. Мы узнали в книге себя, многое в ней обрадовало нас, но есть у нас и серьезные замечания. Заранее оговариваемся, что мы можем высказать лишь отдельные замечания по книге. Делать литературно-критический разбор нового произведения мы, естественно, не беремся. Это дело специалистов.

Книга взволновала нас правдивым изображением заводских будней. Это главное в романе.

Мы видим на каждой странице, как упорно и последовательно, шаг за шагом, молодой начальник цеха коммунист Евгений Малов преодолевает штурмовщину, как он от трех дизелей в месяц поднимает выработку до двенадцати... А сейчас этот цех перешагнул и за эту цифру, и хотя на нашем заводе штурмовщина до конца еще не изжита, но уже многое сделано для ее преодоления. Пример Малова будет, очевидно, служить живым укором тем, кто далек от общественных интересов, кто является «исполнителем ради заработка».

Евгению Малову в романе противопоставлен директор завода Сергей Бородулин. Он показан как руководитель, который не верит в творческие силы людей, устал от жизни, несколько разочарован в ней. На словах Бородулин порицает штурмовщину, на деле — поддерживает ее.

На заводе у нас возникли споры. Некоторые товарищи утверждали, что отрицательные качества директора завода в книге сильно преувеличены. Думается, что эти товарищи неправы. Во-первых, писатель не чернит героя сплошной черной краской. Мы читаем в романе, что Бородулин — опытный руководитель, знающий инженер, умный собеседник, много работает. Во-вторых, писатель имеет право преувеличивать, заострять образ, и нельзя этот образ буквально отождествлять с человеком, с которого он нарисован. А что образ Бородулина волнует читателей, об этом свидетельствуют высказывания при обсуждении романа «После войны» на предприятиях Ленинграда. Читатели говорят: «Есть еще у нас такие директора! Они думают лишь о выполнении плана и о себе, о себе главным образом! А о людях не заботятся...».

Тепло и верно изображена «мать завода» Елизавета Филипповна. Мы глубоко сожалеем, что выведенная под этим именем старая коммунистка пенсионерка, которую мы все хорошо знали, не увидела себя в книге. Она умерла летом 1953 года.

Особого внимания заслуживает образ пожилого рабочего Ефима Ячменева, рвача и хама. К сожалению, еще и до сих пор можно на заводах найти таких людей. Это писатель верно подметил и показал в книге... А разве не из жизни взят образ «заводского Дон Жуана» Петра Петрова, неисправимого бракодела и лентяя!

В романе, на наш взгляд, раскрываются насущные, острые проблемы нашей промышленности, которые с такой силой прозвучали на июльском Пленуме ЦК партии в докладе товарища Н. А. Булганина.

Но у нас есть и претензии к Ивану Уксусову. Евгений Романович Малов два года шел через тяжелейшие испытания на производстве и в своей личной жизни. Дело он довел до победы. А в романе герою произведения никто не сказал и доброго слова. Хочется, чтобы вспомнили о нем. Это было бы куда ближе к реальной действительности, чем тот равнодушный конец, к которому приводит своего героя И. Уксусов.

Хочется тоже сказать и о крановщице Анне Степановне. В книге показано, что эта немолодая вдова с тремя детьми, всегда нуждающаяся, работала в цехе больше всех, проявляя настоящую самоотверженность. Это наша героическая советская женщина, и нельзя закончить ее путь в романе незаметно, серо, как закончил автор. Нам кажется, что смелее следовало бы поддерживать передовое, замечательное...

Вообще простым рабочим в романе както не повезло. Неправильно показал автор, что со штурмовщиной боролись только Малов, Картузов, Скуратов и другие руководители цеха. Ее не меньше инженеров порицали и сами рабочие, и следовало ярче сказать об этом.

Сухо, очень уж по-деловому рисуется в конце романа зарождение любви между Маловым и Викой Паничкиной. Писатель заставил нас полюбить эту хорошую девушку, мы помним, что у нее типичное лицо русской женщины — открытое, смелое, простое... А вот показать ее чувство к Малову, нам думается, И. Уксусов не сумел... Очень хочется, чтобы автор подробнее, тоньше рассказал об этой любви.

Мало в книге показан наш город. Ленинград всему миру известен своей величественной красотой и монументальностью, его любят наши советские люди. И хотелось бы побольше увидеть в книге описаний его улиц, площадей, дворцов, памятников...

Пример И. Уксусова, пришедшего к нам на завод и создавшего полезную книгу, нам кажется, заслуживает внимания. Но мы, читатели, ждем более ярких произведений литературы о жизни рабочего класса. Мы не сомневаемся, что они будут созданы.

Токарь завода «Русский дизель» **И. Борисов**, редактор заводской газеты **В. Барбашев**, цеховая табельщица **О. Ершова**, начальник цеха **Н. Курбатов**, крановщица **М. Козлова**, секретарь парткома завода **А. Пашковский**, слесарь **А. Пильчун**, секретарь комитета ВЛКСМ **Л. Путинцев**, шеф-монтер **В. Смирнов**, главный конструктор **А. Спирин**, инспектор шеф-монтеров **В. Строгов**.

ЛЕНИНГРАД

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА В БЕЛОРУССИИ

Газета «Советская Белоруссия» опубликовала недавно передовую статью «Активно содействовать развитию художественной литературы». В статье подчеркивается, что сегодняшнее состояние литературной критики и литературоведения в республике не может удовлетворить общественность.

За последнее время ослабла активность критиков и литературоведов: в течение этого года ни один критик не смог предложить издательствам книгу своих работ, вышла всего одна монография; «появляется еще много статей, — пишет газета, — изобилующих общими положениями, более примечательных своей осторожностью, нежели глубиной»; на страницах писательской печати слабо разрабатываются вопросы марксистско-ленинской эстетики, теории литературы, острые вопросы современного литературного процесса.

Особо останавливается газета на связи литературной критики и писательской молодежи. Не часто замечают критики первые книги молодых. Медленно и неуверенно растет смена литераторам, работающим в литературно-критическом жанре.

«Союз писателей БССР, — заключает газета, — должен заботливо и внимательно растить критические кадры, помогать совершенствованию их мастерства. Нужно дать возможность критикам чаще выезжать в творческие командировки, поощрять их работу в наиболее серьезных областях литературной науки. Было бы полезным периодическое издание сборников лучших работ критиков».

Взятка

П. ДАЛЕЦКИЙ

Мы с радостью читаем в газетах, что нефтяники Баку строят дачи и разводят сады; мы с удовольствием узнаем, что тысячи советских граждан приобретают в личное пользование автомашины, радуемся тому, что с каждым годом растет материальное благосостояние советского человека.

Мы кровно заинтересованы в том, чтобы наше материальное благополучие зависело от нашего труда, было прямым его следствием. Отношение советского гражданина к общественно полезному труду определяет меру нашего уважения к нему, и, разумеется, не всякая обеспеченность радует нас.

Недавно в ленинградском суде слушалось дело гражданина Карназова. Владелец автомашины «ЗИМ», он занимался на ней извозом. Это не разрешается законами социалистического государства. Машина личного пользования есть машина личного пользования, а не орудие промысла. Во время процесса у судей, естественно, возник вопрос, откуда у гр. Карназова дорогая машина. Мы уважаем и ценим всякий полезный труд, однако у нас действует закон: труд оплачивается по степени его сложности и общественной важности. Заработная плата гражданина Карназова невелика. Откуда же в самом деле экономия в сорок тысяч рублей? Подсудимый сослался на помощь отца. Выяснилось, что и заработная плата отца не могла дать такой экономии. Между тем и родитель и сын жили на широкую ногу.

Суд установил, что у отца и сына источником личных богатств служили доходы нетрудовые, и конфисковал автомобиль. Но жаль, что суд не пошел дальше, не расшифровал, что же скрывается за формулой «нетрудовые доходы» у семьи Карназовых. А эта область, оставшаяся за пределами судебного разбирательства, должна, как мне думается, чаще привлекать к себе внимание прокуратуры и суда. Ведь чаще всего источником этих нетрудовых доходов служат мошенничество, взятки.

Возьмем, к примеру, случай, с которым столкнулся Давид Александрович Скигин, бригадир картонажной мастерской Электротехнического завода Министерства путей сообщения. Мастерская, в которой он работает, заготовляет упаковку. Тару делали кустарно, вручную, и обходилась она заводу дорого. Скигин рассчитал, что если труд механизировать, то коробка обойдется государству в несколько раз дешевле. Он постепенно шел к цели. Но для настоящей механизации нужно было вооружить мастерскую швейно-проволочной машиной.

И такую машину Скигин нашел в картонажно-брошировочном цехе учебно-производственных мастерских Ленинградского отдела Всероссийского общества глухонемых. Машина не нужна была, и президиум общества уступил ее заводу.

Дело оформили, деньги за машину перечислили, место в мастерской подготовили. Наконец-то как будто все в порядке.

Получать машину поехала кладовщица тов. Дынкина. Вернулась она опечаленная. По ее сообщению, бухгалтер Иоффе повертел в руках документы и заявил: «Машину не выдам».

Скигин отправился за машиной сам.

Иоффе и на этот раз «повертел в руках» документы.

— Меня они мало интересуют.

— Позвольте, что же вас тогда интересует?

Бухгалтер почесал переносицу.

— Меня интересуют шестьсот рублей.

— Какие шестьсот рублей?

— Наши советские. Хотите сотенными, хотите полусотенными. Не думайте, что все это мне. Мне только двести. Остальные четыреста пополам — директору и техноруку.

Скигин долго молчал. Иоффе достал горку счетов и накладных и чуть слышно посвистывал, как человек, который сказал все, а остальное его не касается.

— Позвольте, — снова начал Скигин, — но ведь машина продана...

— Была продана! — поправил Иоффе.

— Что значит «была продана»?

— А то, что, по моим сведениям, обстоятельства изменились.

— Черт знает, что такое!

— Надо, товарищ Скигин, вести деловой разговор, а не ругаться.

Скигин отправился к начальнику цеха Шпитальному.

— Может ли это быть? — заговорил он. — Ваш бухгалтер требует с меня шестьсот рублей!

— Меня не интересует, что требует с вас Иоффе, — сказал Шпитальный. — У меня своя жизнь и свои потребности. Мне нужно тысячу рублей.

— Тысячу рублей! — пробормотал огорошенный Скигин. — Какую тысячу?

— Бросьте, дорогой, наивничать, — жестко сказал Шпитальный. — Машина, по всей вероятности, потребуется нам самим. Я так и доложу правлению.

— Откуда я возьму вам тысячу шестьсот рублей? — крикнул возмущенный Скигин. — Кто мне их даст?

— Кто вам поверит, что у вас, у бригадира, не найдется для нас таких денег!

Скигин вернулся на завод. Рассказал все заместителю директора, главбуху, начальнику отдела кадров.

— Говоря житейским языком, Скигин, они с тебя требуют взятку, — резюмировали слушатели.

— Факт! И если им не дать, они так вотрут очки правлению, что правление и в самом деле отменит решение.

— Но ведь дать, Скигин, тоже невозможно.

— Совершенно невозможно.

Скигин провел бессонную ночь. Нетрудно представить, о чем думал бригадир картонажного цеха. Каждый из нас переживал бы подобное.

Требуют взятку! В нашей стране! На что они надеются? Что человек смолчит, побоится осложнений, сподличает... Ведь что такое взятка? Грабеж. Только не темной ночью, не в глухом переулке, а средь бела дня, да еще в конторе учреждения. Нельзя этого допускать! Советский человек не может мириться с тем, что в нашем обществе кое-где копошатся и грызут здоровое тело жучки-стяжатели, подлые вымогатели, для которых нет ничего святого.

Скигин снова и снова вспоминал, что говорили ему Иоффе и Шпитальный и что он отвечал им. Не так нужно было отвечать. Нужно было, вместо восклицаний, призвать негодяев к ответу. Ведь они сильны и наглы, пока встречают людей, которые боятся шума, помех, которые думают: «Черт с ними, легче найти сто, пятьсот, даже тысячу рублей, чем возиться с этими мерзавцами, выводить их на чистую воду». Они сильны, пока все остается под прикрытием негласности и тайных сговоров, но беспомощны, когда встречают сопротивление.

Утром Скигин поехал в следственные органы. Там его спросили:

— Как вы думаете, если мы посоветуем вам воззвать к честности дельцов из Общества глухонемых, проснется в них совесть? Всплеснут ли они руками, воскликнут ли: как это мы дошли до жизни такой?!

— Не думаю, — ответил Скигин.

— Мы тоже не думаем. Судя по поведению, сыгранности, это не первый случай в их жизни. Таких надо не уговорами воспитывать, а методами воздействия. Понимаете?

Скигин понимал. Он собрал, где мог, тысячу шестьсот рублей и поехал за машиной.

Иоффе, по виду Скигина догадавшийся, что тот приехал не с пустыми руками, приветливо кивнул головой.

— Привезли?

— Привез.

Иоффе написал распоряжение о выдаче машины, но не вручил его покупателю.

— Пройдемте, — пригласил он.

Они прошли в укромное местечко. Держа распоряжение в левой руке, Иоффе правую протянул за деньгами.

Наконец-то распоряжение у Скигина!

Скигин заторопился к Шпитальному.

— Деньги привез? — отрывисто спросил тот.

— Привез, привез... не беспокойтесь, все в порядке... Но вот о чем я хотел с вами поговорить.

Шпитальный с таким подозрением посмотрел на Скигина, что тот сказал первое, что пришло в голову:

— Я хочу сначала посмотреть машину...

Машина оказалась в полуразобранном виде.

— Где же ножницы?

— Будут деньги, будут и ножницы.

— Неужели вы, Шпитальный, так мало зарабатываете?

— Дорогой мой, в рабочее время я не могу заниматься праздной болтовней.

— Берите ваши деньги! — сказал Скигин.

Шпитальный взял тысячу.

Тут подъехали представители следственных органов.

Взяточников судили. На суде они бормотали, что человек имеет право на удовольствия... что удовольствия нельзя купить иначе, как за деньги...

Они понесли заслуженную кару. И помог разоблачить вымогателей честный рядовой советский человек.

Однако не все у нас активно борются со взятками. Есть еще люди, которые взятку даже не считают взяткой. Это же просто благодарность, говорят они. Человек хочет отблагодарить за услугу, только и всего.

Когда бухгалтеру Иоффе предъявили на суде обвинение в вымогательстве, он сделал удивленное лицо:

— Я же брал только чаевые!

Он спрятался за старинное дореволюционное понятие, имевшее оправдание в классовом обществе и чуждое для нас.

Есть и еще категория граждан. Они хотя и считают взятку безобразием, но занимают позицию невмешательства. Я не даю взяток и не беру их. Моя хата с краю... не хочу я касаться этой грязи.

Насколько дело тут далеко от благополучия, свидетельствует окончание истории Скигина.

Скигин вернулся на свой завод. Маленький, пусть скромный, но все-таки победитель: как никак разоблачил гнездо взяточников!

Прошла неделя. Цех был механизирован, работа машины освоена, продукция пошла дешевая. И вдруг Скигина снимают с бригадирства.

Еще через неделю бывшего бригадира приглашают в отдел кадров.

— Есть приказ, вы, Скигин, увольняетесь по сокращению штатов.

Сократить штаты после механизации трудовых процессов было надо. Но правильно ли было сокращать именно того, кто содействовал этой механизации, был, в сущности, ее зачинателем?

Нас заинтересовало, почему увольнение Скигина по сокращению штатов произошло очень скоро после суда над взяточниками. Не сказались ли в данном случае невнимание и пренебрежение к общественно важному поступку Скигина? Когда мы разговаривали по этому поводу с директором завода тов. Юфитом и напомнили ему про дело о взятке, на лице его отобразилось брезгливое чувство.

— Да, он приходил и заявлял... какое-то грязное дело... на кого-то он там донес, кого-то осудили и посадили...

Вот эта позиция директора завода недопустима. Директор услышал о требовании дать взятку и отстранился от всего, как от грязи. Надо ли говорить, что позиция невмешательства недопустима для коммуниста.

В 1921 году на съезде политпросветов выступил В. И. Ленин. Он сказал, что перед человеком, если этот человек коммунист, стоят три главных врага. Одним из этих трех врагов он назвал взятку.

А записка к Д. И. Курскому?!

«Необходимо **тотчас**, с демонстративной быстротой, внести законопроект, что наказания за взятку (лихоимство, подкуп, сводка для взятки и пр. **и т. п.**) должны быть **не ниже** десяти лет тюрьмы и, сверх того, десяти лет принудительных работ».

Иные забывают эти ленинские указания, эту огненную его непримиримость!

Взяточники зачастую далеко не безобидны, они стараются страховать друг друга круговой порукой и нагонять страх на тех, кто желает с ними бороться.

Об этом в своем письме в редакцию говорит ленинградская продавщица, которая просила не оглашать ее фамилию. Ее вынуждали давать постоянные взятки директору магазина. Директор объяснял, что деньги нужны ему на расходы: нужно отблагодарить директора базы за отгрузку того ассортимента товара, на который в магазине имеется наибольший спрос; чтобы товар был доставлен во-время, нужно отблагодарить тех, от кого зависит доставка, и т. д. и т. д. «Взаимная выручка при условии взаимных благодарностей». А путь для этого один — обсчитывать, обвешивать, обманывать.

Автор письма пишет, что, как и следовало ожидать, путь директора и тех, кто ему помогал, закончился в зале суда. «У меня хватило духу, — пишет она, — сказать правду следственным органам. Какое отношение я встретила со стороны некоторых торговых работников? Они постарались от меня отвернуться, а замдиректора Петроградского райпищеторга тов. Тарновский вполне определенно высказался: «От этой доносчицы надо избавиться».

Есть болезни тела простые, а есть «стыдные». Есть недостатки в обществе, о которых можно говорить спокойно, а есть «стыдные». Но вскрывать эти болезни нужно, иначе их не вылечишь. И лечить их нужно не только следственным органам, но всем нам: общественным осуждением, общественным презрением, нетерпимостью к этому пороку.

И самое радикальное лекарство — свет. Взятка живет в тихой заводи, это микроб, не переносящий света. А наш свет — это сила советского коллектива, это большевистская принципиальность, ленинская нетерпимость, которая в таких делах, как взятка, не позволяет иметь двух мнений.

ЛЕНИНГРАД

СЛАВА ПОДЛИННАЯ И МНИМАЯ

О повести С. Воронина «Ненужная слава»

Если попытаться коротко определить содержание повести С. Воронина «Ненужная слава» («Нева», № 5), то нелегко будет уложить его в обычные тематические рамки. Это и повесть о любви, и история колхоза, и размышление о славе подлинной и мнимой. А точнее всего это повесть о жизни, в которой все эти темы находятся в сложном переплетении и далеко не всегда так легко поддаются простому, механическому отделению друг от друга, как это бывает в некоторых книгах.

Это — коротенькое произведение, которое читается легко и занимает немногим больше трех десятков страниц. А закрываешь его, и кажется, будто мы очень долго шли рядом с героями. И трудно представить, что многие сложные и трудные годы их жизни уложились на таком небольшом журнальном пространстве.

Казалось бы, в ситуациях этого произведения, в тех отношениях, в которые поставлены его герои, нет ничего нового. Все эти ситуации, в том или другом сочетании, уже появлялись в нашей литературе. А вместе с тем повесть оставляет ощущение новизны.

...Случайно встретились ее герои — офицер Василий Малахов и доярка Катюша Луконина на берегу Волги в селе Селяницы. Только раз взглянул он в синие глаза Катюши и не смог ее забыть. Любовь с первого взгляда, даже, точнее, с одного взгляда... Как часто читали мы о ней, и трудно представить, что можно показать ее по-новому, не сбиться на штамп. А Сергей Воронин рассказал о ней так, что веришь в подлинность чувств героев.

После госпиталя, получив месячный отпуск, Малахов сразу же отправился в Селяницы, прямо к Катюше. Она растеряна, смущена. «Но на нее смотрели такие счастливые глаза, что их нельзя было обидеть...». А когда Катя предлагает Василию остановиться у соседки, он уходит совсем и снова уезжает на фронт.

Ощущение достоверности, жизненности этого столь необычного положения вытекает прежде всего из того, что герои ведут себя с абсолютной естественностью, что их слова и поступки не навязаны автором, а определены их характерами.

Открытость Малахова, его доверчивость, простосердечие, искренность видны уже в этих первых эпизодах повести. И рядом с ним встает и образ Катюши с ее чувством собственного достоинства, цельностью.

Так насыщена содержанием повесть, так сконденсировано, «спрессовано» действие, что в ней нет ничего лишнего. И происходит это потому, что писатель сосредоточил внимание на узловых, самых характерных моментах жизни героев.

Кончается война, и Василий снова приезжает к Катюше. Всего в нескольких коротеньких эпизодах рисует С. Воронин наступившее счастье, передает красоту, поэтичность, полноту чувств своих героев. Никто никогда еще не был так внимателен к Катюше, так заботлив.

«...Ну, как ты сегодня работала?

Так еще никто не спрашивал!

— Устала?

Об этом тоже никто не спрашивал.

— Ну зачем плакать-то?

— Так это... просто хорошо мне...».

Кажется, нет и не может быть силы, которая способна омрачить счастье этих двух таких хороших людей.

Была у Катюши заветная мечта: получить Золотую Звезду героя. Она добилась небывалого удоя, и мечта ее исполнилась. И тут-то заметил ее секретарь обкома Шершнев и решил сделать председателем колхоза. Он «любил выдвигать деятельных людей из гущи народа. Ему нравилось видеть их в залах заседаний с орденами, медалями, депутатскими значками, знать, что теперь они, во-время замеченные им, руководят делами». Наверное, Шершневу искренне казалось, что он делает очень важное и нужное дело, что именно так и надо выдвигать людей.

Трудно было Кате, не было у нее ни знаний, ни опыта для этой работы. Сначала слушалась советов мужа, но недолго, не до того было. Начали приезжать фотокорреспонденты, стали появляться ее портреты в газетах, начались совещания, президиумы, доклады. И будто кто на эскалатор поставил Луконину, эскалатор несет ее вверх, и никто не замечает, что стоит она на нем, даже ногами не перебирая. Катя начала часто ездить в Москву, за нее уже кто-то писал брошюру о методах руководства колхозом, «и ей давали на подпись уже сверстанную корректуру», ее снимали для кинохроники. А дела в колхозе шли все хуже и хуже.

Эта «ненужная слава» вошла в душу Лукониной, она разъедает ее, деформирует характер. Писатель несколькими штрихами показывает, как постепенно, незаметно меняется образ Кати Лукониной. Он с напряженным вниманием и болью прослеживает за этими изменениями. Другой стала походка — твердой, уверенной. Другими стали интонации голоса. Раньше Катюша говорила мягко, напевно, задушевно: «Ну Васенька, ну миленький... Ведь я ж не виноватая, что мало училась». А теперь ее голос звучит отрывисто, властно: «Луконина слушает. Совещание? Хорошо. Буду».

Писатель отбирает характерные детали, которые раскрывают новые черты облика Лукониной. Вот вернулась она из очередной поездки, и ей, пишет С. Воронин, «все, с чем бы она ни соприкасалась в своем колхозе, казалось мелким».

Так постепенно, на наших глазах Катя становится равнодушной, самодовольной. И так же постепенно меняется характер повествования. Если раньше любовь героев, их стремление друг к другу и, наконец, их соединение составляли главную пружину действия, то теперь идет как бы обратный процесс: отдаление героев, их отчуждение... И вот уже Катя и Василий резко противостоят друг другу, составляют два полярных полюса в произведении. Это противопоставление Малахова Лукониной идет по самым основным, коренным жизненным принципам. В отношении Василия к труду, к коллективу, в его «открытости» людям виден образ **подлинно** передового человека современной деревни, характер, воспитанный годами общественного труда на колхозных полях и великой школой Отечественной войны. Именно в этом образе выражено настоящее **партийное** отношение к жизни, к людям.

Василий, как может, борется за жену, начинаются споры, ссоры, но она не понимает его и во всем этом видит только зависть к ее славе. Писатель хорошо передает это нарастание глухого непонимания в семье, это горькое и напрасное страдание, которое пришло к этим любящим людям. В конце концов Малахов уходит от Кати, — он любит ее, но ему душно, трудно, невозможно жить с ней рядом. Катя осталась одна и с ужасом поняла, что «она никогда его больше не увидит. Где он? Куда ушел? Велика страна...».

Можно ли определить, где личное, где общественное в этой повести? Тут не найдешь белых ниток, так неразрывно сплелись между собой обе эти проблемы, потому что они соединяются в главном фокусе — **в судьбе людей.**

Незаслуженная и потому ненужная слава отравила душу Кати Лукониной, разрушила светлое, радостное чувство. Так писатель доводит общественную проблему до самого сокровенного, личного, интимного.

Есть в повести С. Воронина еще один герой, он мало занимает места в произведении, и может показаться, что он не имеет прямого отношения к той жизненной драме, которая только что развернулась на наших глазах. Но это не так. Мы все время чувствуем его как бы за кулисами повести. Это секретарь обкома Шершнев.

Один из героев пьесы В. Овечкина «Настя Колосова» говорит о подобном руководителе: «Когда прославилась у нас Колосова, он сразу сообразил, какая нам выгода в нашем отстающем положении от ее рекордов. Ведь ее вся страна узнала. А где она живет, работает? В нашем районе... Все внимание стал ей уделять. Сверху раз похвалят, а он десять раз повторит, где надо и где не надо. Только и слышала она о себе слова: наша гордость, наша слава, вечная память, — прямо святые мощи из нее сделали».

Мы не представляем себе образ Шершнева так полно, как Луконину и Малахова, не знаем его жизненного пути, не видим ясно всех черт его характера, его внешности. Он появляется в произведении мельком, и писатель запечатлевает только несколько его характерных примет — хозяйские жесты, властный, уверенный голос. Этот образ яснее виден в другом — в видоизмененном облике Кати Лукониной, в ее репликах мужу, в ее новой манере ходить, разговаривать с людьми. Это — его отраженный свет, его тяжелая рука. После того как колхозники на перевыборах правления провалили Луконину, Шершнева впервые охватило беспокойство. «Он опять посмотрел на газетную полосу и задержался взглядом на портрете усатого овощевода, которого на днях «заметил». И от этого чувство беспокойства стало еще острее, оно как бы вытесняло то состояние уверенности в силе и незыблемости своего влияния на людей, какое раньше испытывал Шершнев».

Так грустная история Кати Лукониной стала уроком не только для нее самой. Так отомстило за себя поверхностное, парадное отношение к человеку.

Таким образом, это не только повесть о любви, о прямоте и цельности отношения к жизни, к труду, но и повесть о стиле руководства, о великой ответственности руководителя не только за хозяйственные успехи своего участка, но и за судьбы людей.

Это стремление провести поставленный в произведении вопрос через сердце человека все чаще встречается в последнее время в лучших новых книгах, посвященных современной деревне. Достаточно вспомнить такое произведение, как «Не ко двору» В. Тендрякова.

Читая повесть С. Воронина, не раз вспоминаешь и другое произведение нашей литературы — роман «От всего сердца» Елизара Мальцева. Порой начинает казаться, что С. Воронин как бы вступает в полемику с Е. Мальцевым, вспоминаются Груня и Родион Васильцовы. Кажется, что совпадают внешний рисунок, канва событий, иногда даже отдельные ситуации. Но Воронин по-новому, по-своему, с естественной и убедительной силой жизненности раскрыл и повернул их.

Кажется, что этой повестью писатель ведет спор и с некоторыми своими прежними произведениями, с неземным, бесплотно-идеальным образом рекордистки Насти из повести «Широкой дорогой», с облегченным изображением жизни в романе «На своей земле».

В повести «Ненужная слава» есть, конечно, недостатки. Порой появляются в языке писателя сухие, казенные обороты, иной раз зазвучат обнаженно-назидательные нотки. Можно было, конечно, поговорить об этом подробно, привести примеры. Но не хочется делать этого потому, что все это хотя и немаловажное, но в данном случае второстепенное, а главное — в том, что произведение дышит подлинной жизнью, что это умная и интересная повесть.

А. БЕРЗЕР

ПИСАТЕЛЬ ОТВЕЧАЕТ ЧИТАТЕЛЮ

БОЛЬШОЙ ХАРАКТЕР ИЛИ «СРЕДНИЙ» ЧЕЛОВЕК

Уважаемая товарищ Николаева!

Впервые о вашей повести я узнал от тов. Бенедиктова. Заканчивалось совещание по передовым методам ремонта тракторов. Главные инженеры МТС много говорили о своих наболевших делах. В ответ тов. Бенедиктов, бывший тогда министром сельского хозяйства, задал нам ряд вопросов:

— Почему машинно-тракторные станции с приходом инженеров из промышленности ухудшили работу? Почему руководители МТС не знают причин высокой себестоимости продуктов сельского хозяйства? Почему низка урожайность и производительность труда в сельском хозяйстве?

Когда инженер лет тридцати пяти, бывший начальник цеха на «Ростсельмаше», назвал причиной низкой урожайности слабость барышень-агрономов, тов. Бенедиктов достал из кармана небольшую книжку и вслух прочитал заглавие:

— Галина Николаева. «Повесть о директоре МТС и главном агрономе»,— и спросил: — Читали вы эту книгу?

Вернувшись домой, я прочитал вашу «Повесть о директоре МТС и главном агрономе». Читал с увлечением, в один присест. Чувствуется, что писали вы не с рассказа молодого, восторженно влюбленного директора, а побывав на месте, узнав жизнь МТС. И тем более обидно, что, работая над повестью, вы не заметили или обошли некоторые наболевшие вопросы, волнующие работников машинно-тракторных станций.

Всегда, во все времена, большая литература, помимо воли читателя, захватывает его неизбежными размышлениями о жизни, которые он, как умеет, дополняет своими мыслями, соглашаясь или возражая слову писателя.

Даже незначительное отклонение от правды повседневной жизни отталкивает читателя.

В вашей повести проявилось характерное для произведений последних лет упрощенное деление героев на «положительных» и «отрицательных». Даже такой тонкий, искусный наблюдатель, как В. Овечкин, характеризуя пришедших в деревню людей, проводит аналогичное раскладывание на «сознательные» и «несознательные» полочки героев будущих произведений. (Я сужу по информационному отчету о выступлении В. Овечкина в Союзе писателей при обсуждении романа Л. Гурунца «Пшатовое дерево» — «Литературная газета» от 4 августа).

Однако у вас не затрагивается наиболее характерная группа простых советских людей, которые пришли в деревню с сознанием задачи, поставленной партией, но у которых по ряду причин пока не ладится работа; иные из них теряют веру в свои силы, уходят обратно в город.

Вы показали замечательного агронома Настю Ковшову. У каждого ли агронома найдется столько энергии, смелости, чтобы отстоять правильность своих решений? Да и Настю жизнь чуть-чуть не помяла. Она могла заработать ярлык человека с беспокойным характером, а может быть, даже и склочницы. Слишком легко все у нее получилось.

Ваша Настя, несомненно, герой. А меня — скажу вам честно — волнует судьба не героев, а простых, «средних» людей, не наделенных исключительными качествами. Меня, например, волнует вопрос о том, почему так велика текучесть руководящих кадров МТС, особенно директоров и главных инженеров? В 1952 году в МТС Московской области пришло с производства много инженеров. Из них остались считанные единицы.

Нас, оставшихся, называют «старичками». Если следовать терминологии, вами предложенной, то ушедшие из МТС главные инженеры тоже «подрядчики», так как обстоятельства их ухода очень похожи на фарзановские.

Я не ставлю своей целью оценку художественных достоинств повести, а также защиту «добровольцев», уехавших обратно в Москву, но можно ли назвать «подрядчиками» многих инженеров, рекомендованных на работу в МТС?

Далеко не та теперь МТС, какою была она пять, три года назад. Возрос объем работ, в три-четыре раза возросло оснащение техникой, особенно сельхозмашинами. Директор МТС—это не сдающий в подряд машины хозяин, это — человек, отвечающий за состояние колхозов зоны, за урожай, за надои.

В новых условиях значительная часть забот директора должна перейти к его заместителю — главному инженеру. По объему работы главного инженера МТС можно сравнить с главным инженером среднего завода. Чтобы справляться со своими обязанностями, главный инженер МТС должен иметь железное здоровье, выдержку, волю, находчивость, хорошо знать технику, уметь подойти к людям. Когда разговариваешь с товарищем, вместе с тобой пришедшим в МТС, но уже спасовавшим перед трудностями, слышишь всегда один и тот же ответ:

— Меня не хватило.

Мы понимаем, что трудности, с которыми пришлось столкнуться в деревне, это болезнь роста нашего и роста самих МТС.

На наших глазах решаются и решены многие вчерашние проблемы: строительство и оснащение новым оборудованием мастерских, подготовка кадров механизаторов, увеличение их заработка и т. д.

Я не берусь назвать все наболевшие вопросы, тем более предсказать их решение. Но ясно одно. Коренной подъем производительности труда в сельском хозяйстве — это большая, длительная работа. В числе многих предпосылок для ее успешного решения надо устранить текучесть руководящих кадров в МТС.

Наряду с воспитанием, с требованием сознательного отношения к порученному делу необходима кропотливая, продуманная работа по решению вопросов о структуре и форме руководства и ведения самого хозяйства. Тогда в машинно-тракторных станциях смогут успешно работать не только люди с редким сочетанием качеств. И чем глубже литераторы будут вникать в это дело, тем быстрее удастся поднять производительность труда в сельском хозяйстве.

С. ДМИТРИЧЕНКО,
главный инженер Комсомольской МТС
Московская область

Уважаемый товарищ Дмитриченко!

Я не только согласна с многими положениями вашего письма, но и разделяю ваше волнение по поводу «болезней роста».

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС со всей прямотой указал на ошибки, допускавшиеся в сельскохозяйственном строительстве, и определил пути подъема сельского хозяйства. Процесс подъема — сложный процесс. Есть ряд колхозов, районов и областей, которые в короткий срок достигли больших и радостных результатов. Есть районы и области, где процесс этот протекает с большими трудностями. Я вполне согласна с вами в том, что и в планировании, и в снабжении материалом, и в деле подготовки технических кадров есть еще много горестных недоделок и упущений. Особенно тяжелым кажется мне несоответствие между мощной техникой и ремонтной базой, между этой техникой и кадрами, несоответствие, которое было вопиющим несколько лет назад и не изжито до сих пор.

Во всех этих вопросах вполне разделяю вашу точку зрения. Я не писала о них не потому, что не считаю их важными, а потому, что всего не охватишь в малой повести. Многого я просто не сумела написать так ярко и полно, как мне хотелось. Я стараюсь в своей новой работе писать и глубже и разностороннее.

Я благодарю вас за письмо — письма читателей-друзей во многом помогают.

Но надо сказать и то, что повесть не может и не должна быть всеобъемлющей— ведь это не доклад о положении дел в МТС. Область литературы — это человеческая душа, на этом и должен писатель сосредоточивать свое внимание в первую очередь.

И вот там, где вы касаетесь человеческих душ, начинается мое принципиальное расхождение с вами.

Вы обижены на меня и В. Овечкина за то, что мы не пишем о «средних» людях, о массе, а только о характерах исключительных, героических. И вот здесь вы глубоко неправы.

Вся история Советского государства говорит о том, что в нашей стране нет грани меж «средним» человеком и героическим. Кем писалась история наших пятилеток? Кем строились огромные заводы на песках, на болотах, в чащобах? Кем в течение нескольких лет воздвигались новые города? «Средними» людьми, как вы их называете. Кем создавалась победа в тяжелых боях Отечественной войны? Ими же.

Человек, которого вчера еще считали «средним», сегодня совершил подвиги беспримерного величия. Как же можно не видеть этого? Нет, товарищ Дмитриченко, героиня моей повести не является исключением. Она повторяет судьбу миллионов советских людей — тех, кто вчера казался «средним», «незаметным».

Сегодня, тогда, когда жизнь поставила перед нами большие и славные задачи, люди раскрывают все лучшее, что заложено в их душе.

Нет «средних» людей, товарищ Дмитриченко, как и нет «средних» дорог в наше время борьбы.

Есть в жизни только две дороги, прямо противоположные друг другу,— дорога строительства коммунизма и дорога паразитизма, дорога Насти и дорога Фарзанова. Не все идут по этим дорогам до конца. Одни делают лишь первые шаги, другие идут дальше, третьи — до средины. Но каждый важный шаг в жизни есть маленький или большой шаг в сторону той или иной дороги.

Вы считаете, что инженеры, бросившие МТС, есть «средние» люди, идущие по средним дорогам. По-моему, они сделали первый, может быть, очень и очень малый шаг по дороге Фарзанова.

Ведь мы живем в трудное время. Впервые в истории человечества строим коммунизм и одновременно готовимся защищать его от любых возможных посягательств.

Как же не быть трудностям? Трудности есть не только в МТС. Они есть и в колхозах, и на заводах, и в институтах, и в искусстве. Что же будет, если все мы начнем отступать перед ними? К чему приведет такая дорога? Наше общество воспитало многомиллионное поколение людей, не отступающих ни перед какими трудностями.

Разве неправильно, когда писатель показывает путь одного из таких людей, для того, чтобы другие еще тверже шагали этим путем? Думаю, что я права. Если б я сомневалась, мою уверенность поддержали бы сотни читательских писем. С момента издания повести не было дня, когда б я не получала несколько таких писем от «средних» людей. О чем говорит и этот горячий отклик на мою скромную повесть? Только о том, как велико желание этих «средних» людей идти большими, славными дорогами. Насколько мне известно, и сами вы не отступаете перед трудностями. Откуда же у вас это желание оправдать отступивших «средних» людей и придать характер «исключительности» тем, кто не отступает? Не есть ли это отражение ваших внутренних колебаний? Я хотела бы ошибиться в этом предположении.

Благодарю вас за письмо, взволновавшее меня, желаю вам успеха в вашем трудном и славном деле.

Уважающая вас
Галина НИКОЛАЕВА

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

ЗАМЕТКИ О РАБОЧЕМ КЛАССЕ В ДЕРЕВНЕ

Сила нового

Анатолий ЗЛОБИН

Это началось с мелочи, с небольшой жестяной бирки. Поутру отряд новоселов, лишь накануне прибывший на целинные земли, вышел в полном составе на работу. Осматриваясь по сторонам, молодые рабочие нерешительно топтались у входа в мастерские МТС.

— Где же табель? — спросил кто-то.

Каково было удивление новоселов, когда они узнали, что в МТС, которая вообще не блистала образцовой организацией труда, нет даже табеля. Они приехали из Москвы, с одного из передовых предприятий страны — автозавода имени Сталина. Усвоив высокую производственную культуру своего завода, они не мыслили ее без четкой трудовой дисциплины, неотъемлемой частью которой была, между прочим, и железная бирка. Производственный стаж молодых рабочих был невелик: три-четыре года, но за это время они уже успели почувствовать себя носителями великих трудовых традиций.

И вот в далекой МТС, затерявшейся в степях Алтайского края, начался процесс разрушения этих трудовых традиций. Начался с маленькой бирки, но продолжался с неуклонной последовательностью. Можно было приходить на работу позже, а уходить — раньше. Можно было работать спустя рукава. На исходе второй недели один из новоселов потерял мерительный инструмент — на пропажу не обратили внимания. Появился первый брак — и это сочли в порядке вещей: ведь тут не завод.

Рабочие как бы переставали быть рабочими в том высоком значении этого слова, какое имеет оно в нашей стране. Трудно сказать, как далеко мог бы зайти этот процесс, если бы не сила прежних традиций.

По вечерам рабочие собирались в самой просторной избе и при свете керосиновой лампы вспоминали родной завод. Не сразу, не вдруг, но тем не менее неуклонно накапливался протест против принятых в МТС обычаев. Толчком послужил незначительный случай. Некто Филинов в разгар рабочего дня уехал на почту, чтобы отослать домой деньги. Вечером Филинов похвалялся, как он сумел обмануть заведующего мастерскими, сказав тому, что ездил на полевой стан. Товарищи сделали ему замечание:

— На заводе тебя за такое дело в два счета уволили бы.

— Так то на заводе, — согласился Филинов.

— Да,—громко вздохнул кто-то у печки. — Теперь нам осталось только ездить на базар с помидорами или с молоком.

Все молчали. И вдруг прорвалось:

— Докатились!

— До каких пор будем мириться с этим?

— Покатимся еще дальше?

— Надо кончать!

Испуганный Филинов забился в угол: он не понимал, что речь совсем не о нем.

Горячий разговор продолжился на комсомольском собрании, которое созвали немедля. В первом пункте решения было торжественно записано: «Просить директора МТС ввести в мастерских табель учета явки на работу и ухода с работы».

В социалистической деревне совершается процесс формирования новых отрядов сельского рабочего класса. Этот процесс происходит в тысячах МТС — форпостах советской индустрии на селе. Этот процесс идет в сотнях вновь образуемых государственных советских хозяйствах — совхозах. Вчерашний колхозник становится сельскохозяйственным рабочим — трактористом, комбайнером, каменщиком.

Сельский рабочий класс, деревенский рабочий — это звучит несколько непривычно, не правда ли? Мы знакомы с сельской учительницей, с сельским агрономом, врачом. Литература, кино достаточно полно познакомили нас с образами сельских интеллигентов, рассказали об их благородном, подчас суровом труде. Теперь речь идет о принципиально новом явлении нашей действительности — об образе сельского рабочего, о рабочем классе в деревне.

В 1953 году, после сентябрьского Пленума ЦК нашей партии, сотни тысяч колхозных механизаторов перешли на положение рабочих. Уже тогда в штаты МТС было зачислено около миллиона двухсот пятидесяти тысяч постоянных рабочих. Помимо этого, город непрерывно посылает в деревню огромное количество молодежи, окончившей училища механизации. Комплектуются сотни новых совхозов. Таким образом, речь идет о миллионах рабочих.

Смело рассказав о трудном, мучительном процессе изживания собственнической психологии русского крестьянина, правдиво раскрыв внутренний пафос роста его новых коллективных интересов, наша литература создала действительно классические образы.

Теперь современный колхозник-механизатор, с его естественной потребностью жить и трудиться в коллективе, поднимается на новую ступень — становится рабочим. Литературе еще предстоит узнать и выразить этот новый для нее образ. Задача эта столь же трудна, сколь благородна. Мир больших художественных открытий ждет здесь писателя.

Юридическое исполнение государственного акта — зачисление свыше миллиона людей в штаты МТС—еще не сделало колхозника рабочим в полном смысле этого слова. Переход от психологии колхозника к психологии рабочего имеет свои противоречия, свои трудности. Он не похож на относительно быстрое и легкое формирование характера нового рабочего в городе в условиях социализма. Ушедший в город колхозник, как правило, молодой, покидает деревню и попадает в новую для него среду — заводской цех, заводское общежитие. Эта среда сравнительно быстро ассимилирует колхозника, прививает ему свои навыки и традиции. В свое время в прозе рассказал об этом А. Малышкин («Люди из захолустья»), в драматургии — Н. Погодин («Темп»).

Колхозный же механизатор становится рабочим, не оставляя своей среды. Он по-прежнему живет в деревне, в свободное время занимается индивидуальным хозяйством и, может быть,— что же здесь зазорного,—даже возит на базар продукты своего труда. Все это не может не наложить своего отпечатка на внутреннее содержание образа такого рабочего. В заводских традициях многое кажется ему в диковинку. Взять ту же бирку, о которой шла речь поначалу. Когда директор МТС исполнил просьбу комсомольцев и ввел табель, многим местным рабочим, которые работали в мастерских слесарями, инструментальщиками, подобное нововведение показалось весьма сомнительным и опасным.

— У нас своего бюрократизма хватает. Теперь еще новый привезли из города.

Местные трактористы-рабочие считали возможным не являться зимой на ремонт в МТС и проводили время дома, в соседних колхозах: «Я для своего колхоза трактор отремонтировал, что же еще?». Кое-кто из бригадиров тракторных бригад припрятывал у себя дома запасные части к тракторам: такие товарищи тоже работали только на свой колхоз.

Бирка была лишь началом борьбы за производственную культуру, за трудовую дисциплину.

***

В нашей стране действуют две формы социалистической собственности — государственная и колхозно-кооперативная.

Государственная форма собственности— в деревне это МТС, совхозы — является более зрелой, высшей формой, и ей принадлежит ведущая и определяющая роль во всем народном — в данном случае в сельском—хозяйстве. Существование двух форм — порой в одном селе, на одном поле — дает огромные возможности для передачи положительного опыта, развития соревнования. Здесь в полную меру раскрывается ценность сотрудничества, обогащающего обе стороны.

В жизни возникают и реальные конфликты, сложности, связанные с наличием этих двух форм собственности. По сути дела и бирка, и трактор, отремонтированный только «для своего колхоза», и спрятанные запасные части—все это конкретные проявления таких жизненных сложностей.

Решения партии по вопросам сельского хозяйства свидетельствуют, кроме всего прочего, именно об этой ведущей роли государственной формы социалистической собственности в нашем хозяйстве. Решения партии направлены как раз на то, чтобы смести с дороги все обстоятельства, которые делали возможным существование людей типа Борзовых и иже с ними.

Решения приняты и претворяются в жизнь. Претворяются порой нелегко, ломая косность сложившихся отношений. Литература смело рассказала об этом. Очерки В. Овечкина, В. Тендрякова, А. Калинина раскрывают психологическую сущность этой борьбы, ее конкретные бытовые формы. Однако литература не может ограничиваться изображением этого уже вскрытого в жизни конфликта. Теперь перед литературой — следующая задача. Опять, поднимаясь на более высокую ступень, начинается движение к новому.

Сколько тут неожиданных коллизий, столкновений! Зачастую тракторист заботится о тракторе только для своего колхоза, но не заботится о самом тракторе. У него еще не воспиталось той обязательной любви к машине, какая, скажем, есть у заводского рабочего к своему станку.

С другой стороны, не создана и материальная заинтересованность тракториста, которая обусловила бы его усиленную заботу о своей машине. Минувшей весной мне пришлось быть свидетелем разговора между директором МТС и трактористом. Приехав в поле и увидев машину местного тракториста Овчинникова, директор ахнул — недели две на тракторе не проводилось даже смазки.

— Почему не ухаживаете за вверенной вам техникой? — строго спросил директор.

Овчинников с усмешкой посмотрел на своего директора:

— Я как метр по целине проехал,— начал он,—вспахал, засеял, так мне рубль отдай. Я и мотаю рубли на колеса, для меня интересное занятие. А если я буду стоять, смазывать да обхаживать машину, когда же мне монету заколачивать?

Директор не выдержал начатого тона.

— Дурак ты, Овчинников,— всердцах сказал он, — без смазки трактор совсем встанет, тогда ни рубля не заработаешь.

— Ничего.— Овчинников опять усмехнулся.— Как-нибудь до конца сезона дотяну, а там на ремонт встану.

Директор все же заставил Овчинникова провести смазку. Мы поехали дальше. Директор молчал.

— А ведь Овчинников прав,— неожиданно заговорил директор. — Недодумали еще этого вопроса.

— В чем же он прав?

И директор рассказал о своих заботах:

— Конечно, Овчинников — фигура не характерная, но в одном отношении он прав. Дело в том, что тракторист не получает никакого поощрения за сохранность своей машины. Рабочий, прилежно ухаживающий за трактором, хорошо сохранивший его, и такой рабочий-шкурник, как Овчинников, добивающий свой трактор до предела, находятся в одинаковых условиях. Более того, шкурник оказывается в лучшем положении: он не тратил времени на профилактику, на смазку. Он гнал гектары. Он выработал больше, ему почет и денежки. Такой шкурник и зимой больше заработает: трактор-то его потребует большего ремонта. А спроса за преждевременный износ, как и премий за сохранность,— нет. Ремонт все спишет. Возьмем теперь водителя автомашины. Тот знает: сделал он пробег в сто или сто пятьдесят тысяч километров без капитального ремонта — клади на бочку премию за сохранность техники. И водители стараются сохранить свою машину. Надо и для трактористов установить правила, простые, понятные каждому механизатору: сделал, скажем, тысячу моточасов без ремонта, получай премию. Две тысячи моточасов — получай еще больше. Тысячи рублей на премии не пожалеем — на ремонте, на запчастях миллионы сэкономим. Назрела необходимость решить этот вопрос: ведь теперь у нас постоянные кадры рабочих.

Рассказ директора МТС, помимо важности самого затронутого в нем вопроса, еще говорит о том, что становление новых отрядов рабочего класса в деревне — сложный, своеобразный процесс, на который оказывает свое влияние множество причин. Даже психология тех рабочих, которые идут в деревню из города и становятся работниками МТС, совхозов, подвергается известным изменениям. Городские рабочие, инженеры несут в деревню высокую производительную культуру, навыки городской жизни. У них на все «свежий глаз», они не отягощены силой инерции, которая, случается, тормозит развитие нового. Такой «свежий глаз» городских инженеров хорошо показан в очерке И. Горелика «Инженеры» («Новый мир», № 8), где остро и своевременно ставятся некоторые наболевшие проблемы сегодняшнего дня.

Вместе с тем, приходя в деревню, горожане попадают в новую для них среду, и последняя не может не оказывать на них своего влияния. Тем более, что высокая профессиональная квалификация рабочего зачастую оказывается ненужной в условиях слабо оснащенной в техническом отношении МТС или совхозной мастерской.

(Окончание на 4-й стр.)

„В их глазах светится дружелюбие“

«Я сидел на втором этаже лондонского автобуса. Вдруг мой сосед толкнул меня локтем в бок и воскликнул: «Смотрите, русские!». Я посмотрел вниз и увидел, что по улице идет вереница специальных автобусов с советскими моряками. Я не мог не согласиться с моим соседом, который сказал: «Веселые ребята!» Советские моряки широко улыбались пешеходам и махали им руками. Надо сказать, что жители Лондона отвечали им такими же улыбками и веселыми взмахами рук».

Так рассказал о своей встрече с советскими моряками радиокомментатор Райан—журналист отнюдь не прогрессивного толка. Он добавил, что некоторое время тому назад этот визит был бы явно невозможным. Нужно сказать, что радиообзор Райана был посвящен международным событиям, но кто бы и о чем бы ни говорил в эти дни в Англии, обязательно затрагивает пребывание советских военных кораблей в Англии. Советские моряки—в центре внимания.

Читателям «Литературной газеты», конечно, известны все подробности официальной встречи советской эскадры в гавани Портсмута. Вслед за официальной и несколько церемонной торжественной встречей, в матросском клубе в тот же день состоялась встреча неофициальная, более непринужденная, веселая. Сперва английские моряки — некоторые из них были с сестрами, с женами или с подругами — не без застенчивости приветствовали своих гостей. Затем в ход пошли всевозможные напитки, закуски и папиросы. Завязалась вежливая беседа. Мало-помалу обстановка становилась более теплой, беседа оживленной, а шутки частыми. Два советских моряка — Александр Матросов и Юрий Андрюхин решили сделать обстановку еще более теплой. Они пустились вприсядку. Через пять минут английские моряки и их подруги уже дружно аплодировали танцорам, заставляя их бисировать снова и снова. Советские гости с воодушевлением исполнили популярную английскую песню «Далеко до Типперери», чем внесли еще большее оживление. Англичане подпевали им дружным хором. После официального закрытия вечера веселье еще долго продолжалось. У советских матросов оказались с собой открытки с изображением известных зданий и красивых пейзажей их страны, и они охотно раздавали эти открытки со своими автографами.

При виде моряков обеих стран, прикуривающих друг у друга, обменивающихся шутками или просто улыбающихся, можно было не сомневаться, что дружба является величайшим желанием простых людей обеих стран.

На улицах Лондона, везде, где только останавливаются большие зеленые с красными флажками автобусы, из которых выходят стройные, подтянутые советские моряки, тут же собираются десятки англичан. Завязываются беседы. Моряков приветствуют улыбками, дружественными жестами и рукопожатиями.

Тысячи посетителей побывали на нижней и верхней палубах, на баке и юте крейсера «Свердлов». На юте под дулами зачехленных орудий звучала музыка и смех. Здесь под аккомпанемент аккордеона танцевали английские девушки и советские моряки. Английская бабушка, пришедшая на «Свердлов» с внучатами, сказала: «Вот было бы хорошо, если бы палубы военных кораблей всегда служили танцплощадками». Английские ребятишки стайками обступили советских матросов. Когда ребята спускались по трапам обратно на землю, на груди у них красовались матросские звездочки, комсомольские значки, значки ГТО. Но маленькие англичане не только брали подарки. Школьник Эрик Робертсон подарил адмиралу Головко сделанную из пластелина модель 76-пушечного парусного фрегата.

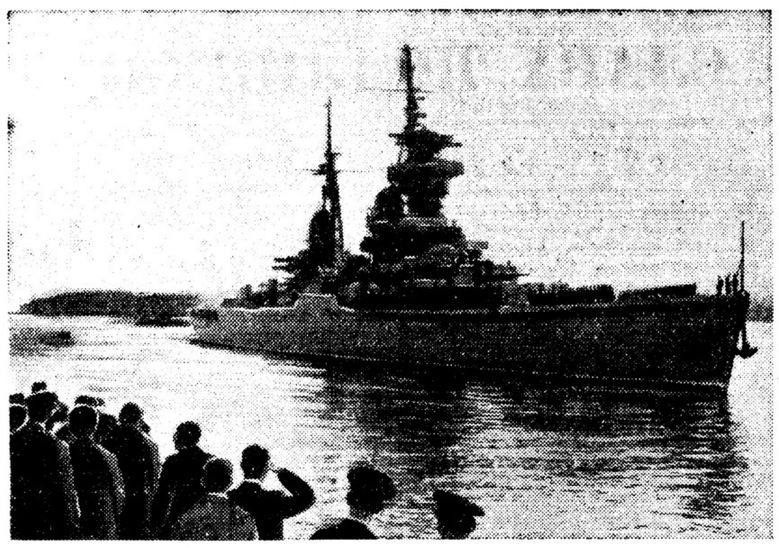
Английские газеты уделяют много места посланцам Советской страны. Описывая вечер в матросском клубе в Портсмуте, репортер газеты «Ньюс кроникл» отмечал: «Нынче вечером Джек и Иван хлопают друг друга по плечам и чокаются. В глазах их светится дружелюбие. Они не понимают языка друг друга, но это, видимо, не имеет никакого значения». Репортер «Ньюс кроникл» спросил одну из девушек, что она думает о советских гостях. «Они очень симпатичные, — ответила девушка, — и гораздо более выдержанные, чем наши моряки. Они очень хорошо себя ведут». Та же газета помещает под заголовком «Улыбка доброжелательства» фотографию улыбающегося адмирала Головко.

Сейчас, когда вы читаете эти строки, советские корабли отплывают от берегов Британии. Английские газеты подводят итоги обмену визитами военных кораблей. «Санди экспресс» в передовой статье пишет: «О каком самом счастливом событии на этой неделе можно рассказать? О «Триумфе» и «Свердлове». Отметив, как тепло и дружественно встречали как английских, так и советских моряков, газета пишет: «Это означает, что в отношениях между простыми людьми Англии и России нет места какому-либо чувству подозрительности, — наоборот, они стихийно проявляют теплоту и любовь».

В данном случае «Санди экспресс» выразила мнение, разделяемое очень и очень многими.

Ф. БОЛСОВЕР

ЛОНДОН. **(По телеграфу)**



Крейсер «Александр Суворов», один из советских военных кораблей, посетивших Англию, в гавани Портсмута. Снимок из английской газеты «Таймс»

По Москве с гостями из Франции

«Каковы ваши первые впечатления от пребывания в Москве?» — с таким вопросом корреспонденты «Литературной газеты» обратились к г-ну Ги Дессону, главе делегации французских деятелей кино, прибывших в Москву в связи с Неделей французского фильма:

«Я приехал в Москву в первый раз и пока еще не могу многого рассказать о своих впечатлениях в «плане материальном». Но если говорить в плане человеческом, то нельзя не поразиться теплотой приема и сердечностью вашего народа. Сколько людей ночью — холодной и ветреной — собралось встречать наш запаздывающий самолет! Как не запомнить ваши цветы, непосредственность встречи, согревшую сердце каждого из нас. Я видел ваш город ночью, из окна машины, которую шофер вел очень быстро, я бы сказал, слишком быстро. Красивое прямое шоссе, по которому мы ехали в город, и первое впечатление от университета и многочисленных строящихся зданий. Для того, кто хочет видеть, — это символ присущей вашей стране воли к созиданию: строить в плане человеческом и в плане материальном. В остальном у меня пока только впечатления рядового туриста, проехавшего ночью через незнакомый большой город — город в масштабе вашей страны.

На снимке (слева направо): **глава делегации деятелей французской кинематографии, депутат Национального Собрания Ги Дессон, члены делегации Рауль Плокэн, Марсель де Юбш, Жерар Филип, Жаклин Рейно, Пьер Бост.**

Фото Е. Тиханова

Эта встреча французского кино с советскими зрителями очень важна для нас и весьма интересна. У нас много общих воспоминаний, много общего в наших литературах, а кино, по-моему, — это новая форма литературного выражения. Между советским и французским кино так же много общего, как между Тургеневым и Мопассаном (автором, который уже дал около десяти-двенадцати сюжетов для французского кино). Вот почему я думаю, что обмен кинофильмами между СССР и Францией будет способствовать сближению наших народов».

Член делегации, известная французская киноактриса Даниэль Дарьё, знакомая советскому зрителю по картине «Опасное сходство», исполнительница роли мадам де Реналь в фильме «Красное и черное», также убеждена в том, что фестиваль будет способствовать развитию культурных связей между Францией и Советским Союзом. Она выразила надежду, что и во Франции будет проведена ответная Неделя советского фильма.

Даниэль Дарьё рассказала, что она собирается сниматься в фильме, посвященном Японии, и что в связи с этим ей и Жану Марэ предстоит поездка в эту страну.

Нам, к сожалению, не удалось побеседовать с самой молодой участницей делегации — артисткой Дани Робен, героиней кинокомедии «Жюльетта». Мы утешали себя мыслью, что и корреспонденты «Юманите» в Париже, накануне отъезда делегации, смогли «захватить» Дани Робен только у ее парикмахера. «Я безумно рада, — сказала она им, — что мне предстоит поездка в Советский Союз, в эту огромную страну, которую мне хотелось бы узнать как можно лучше. Я люблю ее певцов, танцоров, музыку. Я читала книги ее великих классиков... Я уверена, что нам окажут самый горячий прием».

Жерар Филип поделился с нами своими творческими планами: «Я сейчас всецело занят подготовкой фильма «Тиль Уленшпигель», где я буду играть заглавную роль. Фильм этот будет сниматься известным режиссером Иорисом Ивенсом. Над сценарием картины вместе с Ивенсом и сценаристом Баржавелем работаю и я. Подготовительные работы в студии будут проходить в Париже, а съемки начнутся в феврале 1956 года в Бельгии и Голландии».

Мы спрашиваем Жерара Филипа о его первых московских впечатлениях. «Впечатления ночные, — говорит он. — Я начал с ошибки, в темноте приняв университет за Кремль. Потом, на Красной площади, мне очень хотелось вылезти из машины, но шофер не остановился, пришлось скрепя сердце согласиться, что осмотр города переносится на утро».

И вот, вместе с Жераром Филипом и группой французских гостей мы едем по Москве. Жерар Филип интересуется всем: когда поставлен памятник Горькому и почему на площади Маяковского нет памятника поэту, кто решает, какой памятник достоин стоять здесь и как поступают с отвергнутыми проектами. Я слышал, говорит он, что улица Горького была расширена и некоторые дома передвинуты, еще ночью я пытался найти эти дома, но это мне не удалось, так как они теперь стоят в одном ряду со всеми другими.

Мы показываем Жерару Филипу здание Моссовета и рассказываем, какими были улицы Москвы, по которым мы проезжаем, до реконструкции.

Французские делегаты с интересом рассматривают старое здание университета, здание Большого и Малого театров, новые дома улицы Горького, Охотного ряда. Они внимательно слушают рассказ девушки-экскурсовода. «Ну, а теперь, едем дальше», — обращается она к шоферу автобуса. «Как, мадемуазель, оказывается, говорит и по-русски?» — шутит кто-то из гостей. Все смеются.

Наконец, Красная площадь. Здесь все вызывает живое внимание французских делегатов — и строгие линии московского Кремля, и непрекращающийся поток людей к Мавзолею.

С интересом расспрашивают гости об архитектуре одного из своеобразнейших памятников русского искусства — собора Василия Блаженного. Когда Жерар Филип слышит от экскурсовода, что каждый купол собора символизирует одну из побед русского оружия над захватчиками-татарами, а верхний — победу самую крупную, взятие Казани — столицы татарского ханства, он восклицает: «На Казань!», высоко поднимая в воздух руку, имитируя жест Черкасова, исполняющего роль Ивана Грозного в одноименной картине Эйзенштейна.

— Я смотрел этот фильм, — говорит он, — и кое-что в нем казалось мне несколько затянутым, может быть, излишне патетичным, но сейчас, когда я гляжу на купола собора, мне вспоминаются сцены взятия Казани. Да, в них выражена самая сущность битвы.

Мы спрашиваем Жерара Филипа, работа над какой из сыгранных им ролей увлекала его больше всего? За десять лет молодой артист много снимался в кино, но более всего запомнилась ему работа над образом князя Мышкина в фильме, сделанном по роману Достоевского «Идиот», роль молодого композитора в фильме Рене Клера «Ночные красавицы», известные советскому зрителю роли Фанфана и Фабрицио дель Донго, а также две последние работы, которые будут показаны во время Недели французского фильма: Жюльен Сорель в «Красном и черном» и молодой лейтенант драгунов в «Больших маневрах».

«Фанфану» и «Фабрицио дель Донго» не легко остаться незамеченным на улицах Москвы. Каждый раз, когда останавливается автобус, Жерара Филипа окружает толпа. «Фанфан!» — восторженно кричат мальчишки, да и взрослые не отстают от них: «Литературную газету» с портретом артиста, блокноты, листочки бумаги протягивают любители автографов, школьница преподносит ему красный георгин и сама от смущения краснеет, как цветок, когда Жерар Филип со свойственной ему непосредственностью целует ее.

Пожилой человек просит нас перевести Жерару Филипу его слова: «Вы замечательно играете. Желаю вам новых успехов. Передайте наш привет французским трудящимся». — «Спасибо», — отвечает ему Жерар Филип по-русски.

— Ну, вот теперь вы уже можете сказать нам и о ваших дневных впечатлениях от Москвы, — обращаемся мы к артисту.

— Мы пока не больше часа на улицах Москвы, — говорит Жерар Филип, — но первое общее впечатление: город живет спокойной, мирной жизнью, нет ни напряженности, ни скованности.

— Вам сегодня, однако, не до отдыха, вы работаете напряженно, — говорит кто-то Жерару Филипу, которого продолжают «сковывать» любители автографов.

— Что ж, — отвечает Жерар Филип, — я здесь с официальной миссией и готов сделать все, чтобы подтвердить, что советский и французский народы могут хорошо понимать друг друга.

Л. ЗОНИНА,
Н. РАЗГОВОРОВ

Югославские встречи

Ярослав ПУТИК,
чехословацкий журналист

После многих лет мы снова на югославской земле. Раннее утро. Поезд стоит на пограничной станции в Суботице. Вопросы, которые мы задавали себе еще при отъезде, всплывают снова: что изменилось за эти годы, какие здесь сегодня люди, как они примут нас?..

И, как это часто бывает, действительность прозаичнее наших представлений. Вагоны заполняются югославскими пассажирами. Одни сосредоточенно читают утренние газеты, другие разгадывают кроссворды. Вспыхивают небольшие споры о ценах. Проезжаем Земун, новостройки, новый мост через Саву. И, наконец, белградский вокзал.

Нас встречают представители Союза туристов Югославии. Никакой официальности, которая обычно очень связывает: вы здесь, мы рады вашему приезду и покажем в нашей стране как можно больше.

Вот и белградские улицы. Ловим первые впечатления.

Главная магистраль едва вмещает спешащих куда-то пешеходов или медленно идущих любопытных. Разумеется, мы прежде всего тянемся к витринам магазинов: сколько здесь товаров, какие они, сколько стоят? Витрины хорошо, со вкусом оформлены, и, что гораздо важнее, в магазинах полно покупателей. Цены, однако, мало что говорят нам, так как мы не знаем, каковы заработки.

Часто приходится обходить заборы новостроек. С интересом смотрим, как одеты жители Белграда: в большинстве своем очень хорошо, хотя контрасты на первый взгляд гораздо резче и более бросаются в глаза, чем у нас.

Незаметно приблизились к старой турецкой крепости Калемегдан, расположенной на холме у слияния Савы и Дуная. Среди крепостных валов, по которым не раз текла кровь, устроена выставка вражеского оружия, захваченного во время партизанских боев, и реликвий освободительной войны. Здесь всегда многолюдно: люди снова и снова обращаются к героическому прошлому югославского народа.

Мы идем дальше по белградским улицам, мимо кинотеатров. Их репертуар, на наш взгляд, слишком американизирован, обстоятельно знакомимся с витринами книжных магазинов. Они свидетельствуют о широкой деятельности издателей...

Следующий день посвящен поездке на завод имени Иво-Лола Рибара в Железнике. Это современный машиностроительный завод, и с виду он ничем не отличается от любого нашего, ну, скажем, в Словакии.

Роль проводника взял на себя Коста Димович, он учился когда-то в Оломоуце (Моравия). Ныне Димович занимается в техническом вузе в Любляне. По-чешски говорит с трудом, но в общем мы хорошо понимаем друг друга. Естественно, спросили его, вспоминает ли он Чехословакию.

— Никогда ее не забуду. Мы многому научились у вас, и, главное, ваши люди очень хорошо к нам относились, а это не забывается... Здесь, на заводе, большинство — молодежь, вы сами убедитесь, сколько обучалось у вас...

Много времени провели мы с председателем рабочего самоуправления завода. Он разъяснял нам принцип организации предприятия, систему рабочего руководства, социального обеспечения, рассказывал о работе профсоюзных организаций и Союза коммунистов на заводе. Многое здесь отличается от нашего, и мы иногда с трудом понимаем то, что нам объясняют. Производственные задания, например, предприятие устанавливает само и само же вывозит товары на рынок. Само заботится о сырье и т. д. Здесь нет ни социалистического соревнования, ни общегосударственного, обязательного производственного плана в нашем понимании.

Разговорились с несколькими рабочими-токарями. Хотя здесь и привыкли к посещениям с различных концов света, но... из Чехословакии! Это, оказывается, первая встреча. Удивление и изумление, конечно, проходят, но направление разговора всегда одинаково: хорошо, что начинаются иные отношения, хорошо и правильно знать друг друга лучше...

Да, для установления хороших, дружественных отношений между обеими странами имеются, как говорят дипломаты, «все условия». Я вспоминаю в связи с этим эпизод в другом конце Югославии — Черногории. После романтической и сказочно прекрасной дороги из Котора в Цетинье (ее одной достаточно, чтобы сделать Югославию привлекательной для туристов всего мира) мы остановились в трактире у шоссе. Ослепительно белые, поросшие редким кустарником горы Черногории закрывают горизонт со всех сторон. На их склонах неправдоподобно крохотные поля, отвоеванные у гор столетним тяжелым трудом. Под нами переплетаются бесчисленные белые ленты шоссе. Поистине нескончаемо число поворотов на черногорских дорогах. И почти у каждого вы найдете небольшой памятник, надпись на нем гласит: здесь был разбит итальянский автомобиль, здесь партизаны гранатами забросали роту врага...

В трактире — длина и ширина его измеряются несколькими шагами — всего две лавки. Сидящие на них крестьяне разглядывают нас. Их язык, на первый взгляд, близок нашему, но все же совсем иной.

Еще с минуту крестьяне приглядываются, а затем любопытство берет верх, и тогда просто, без всяких церемоний, они засыпают нас вопросами:

— Из Чехословакии? Чехи?..

И сразу же всех охватывает радостное, немного приподнятое настроение. Наш северный темперамент более сдержан, но они просто и открыто говорят то, что чувствуют и думают: «Чехи — наши братья издавна. Мы любим вас...».

Трактирщик достает бутылку вина, веселая дружеская беседа оживляется еще больше. И когда мы снова и снова чокаемся, нас определенно согревает не только вино, крепкое и густое красное вино...

Наступал вечер, та пора, которую особенно не любят шоферы: ни день ни ночь. Медленно движемся по извилистой дороге из Титограда в Цетинье. Вид из машины сказочный, но, как и подобает сказке, немного страшный. Узкое шоссе высечено в скале, прямо под нами блестит зеленоватая вода Скутарийского озера.

На одном из поворотов останавливаемся. Было так тихо, что каждый брошенный камушек, падая, звучал, подобно выстрелу. Только спустя некоторое время замечаем небольшое каменное строение, почти сливающееся со скалой.

Подходим к домику. На пороге сидит старая женщина. Одна. Говорим громко, эхо отдается в долине, и тем больше поражает нас ее тихий голос. Мы тоже притихли.

Чувствуем, что неудобно как-то представляться и объяснять, кто мы такие. Без слов усаживаемся возле женщины и в полной тишине, очарованные, следим, как на озеро ложится тень от окружающих гор, — их вершины находятся на албанской земле.

— Не хотите ли воды, поесть?

Нам ничего не нужно, только минутку посидеть. Нить беседы рвется. Но наш друг Вучинич пытается завязать разговор:

— Бабушка, здесь когда-то была жаркая битва...

— Была, именно здесь. — И, вздохнув, почти неслышно добавляет: — Здесь его убили, — она показывает куда-то рукой.

Наступает полная тьма, и только матово белеет памятник. Здесь опять памятник.

Живо встает передо мной Музей национального освобождения в Цетинье. И фотография Чеда Чупича, никшичского студента. Он смеется в лицо фашистам, которые зачитывают ему смертный приговор.

Старушка умолкла.

И Вучинич перестал спрашивать. Что-то заставляло нас быть молчаливыми, не беспокоить эту женщину, окружающий мир.

Когда мы двинулись дальше, наш шофер, который не мог проехать мимо хотя бы одной девушки, не затормозив и не назначив ей свидания, на этот раз был удивительно молчалив...

Мы плыли на пароходе «Пролетарка» из Сплита в Риеку.

Вокруг нас на палубе, в каютах вавилон языков: сербо-хорватский, английский, немецкий, французский, итальянский, тут и там шведы, датчане, норвежцы и голландцы. Чемоданы с наклеенными бирками разных отелей говорят о том, что туристы возвращаются из Сплита, Хвара, Корчулы и Дубровника.

Когда совсем стемнело, проходим в ресторан. Туда прошел и сопровождающий нас югославский друг.

После хорошего ужина и доброго вина, как известно, развязываются языки. Наш гид спросил:

— Что вам понравилось у нас, вы уже говорили, а вот что вам не нравится?..

Молчать неудобно. Я вытаскиваю из кармана газету:

— Если хотите, так, на мой взгляд, это комикс о кудрявой укротительнице.

И дискуссия разгорается в полную силу. С комиксов переключаемся на искусство, с искусства — на политику Соединенных Штатов в отношении Югославии, с этого — на экономику, и потом уже напрасно пытаться найти, с чего, собственно, началась дискуссия.

И снова рассказы о партизанской жизни, о жизни в лагерях для пленных и о том, как замечательно умеют воевать советские воины.

Чувствуешь и снова и снова убеждаешься в том, что будущее наших отношений зиждется не только на песке добрых пожеланий...

Сокращенный перевод с чешского («Литерарни новины»)

Сила нового

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Как часто приходилось слышать от новоселов целинных земель горькую жалобу.

— Я работал по шестому разряду, а теперь мне дают черновую работу. Зачем же меня учили на заводе?

Решающее влияние здесь будет иметь дальнейший рост производительных сил. Новый станок, прибывший в МТС, поднимает культуру рабочего. Новый, оснащенный современной техникой производственный цех, вставший на усадьбе МТС, совершает чуть ли не целую «промышленную революцию» в деревне.

Итак, перед современной советской литературой раскрывается новая широкая тема. Собственно, эта тема в какой-то мере уже прозвучала: ни один роман о колхозной жизни не обходится (да и не может обойтись!) без образа колхозного тракториста или комбайнера. Пожалуй, наиболее удачное и яркое выражение такого образа — комбайнерка Фрося из «Жатвы», ломающая на комбайне границы звеньев. Г. Николаева тонко и убедительно раскрыла «подчиняющую силу машины» или, говоря другими словами, показала, как новая техника поднимает организацию колхозного производства, как рост производительных сил формирует новое сознание людей. Героиня Г. Николаевой, вначале взбалмошная и очень далекая от интересов коллектива, по-новому раскрывается в работе, изменяет свое отношение и к колхозу и вообще к жизни. Комбайн сломал не только границы звеньев, он переломил, если можно так сказать, и характер самой Фроси.

Образ сельского рабочего будет дальнейшим развитием образа сельского механизатора.

***

Новая тема выдвигает новый конфликт — плоть и кровь литературного произведения. Различного вида столкновения противоборствующих сил произведения мы привыкли подразделять на две основные категории: конфликт между личным и общественным, между старым и новым.

Новая тема рабочего класса в деревне не всегда вмещается в рамки этих конфликтов. Пусть обе формы социалистической собственности являются однотипными, пусть производственные отношения людей в обоих случаях будут социалистическими производственными отношениями — это все же разные отношения, имеющие существенные различия постольку, поскольку они присущи двум разным формам социалистической собственности.

На почве существенного различия этих отношений и может возникнуть конфликт между людьми, по-разному понимающими интересы двух форм общественного. Для иллюстрации этой мысли, пожалуй, уместно вспомнить одну сугубо прозаическую вещь, которой обычно не касается литература, — деньги. Как оплачивать труд председателя колхоза, пришедшего из города: платить ему деньгами или начислять трудодни? Этот вопрос почти всегда вставал на общеколхозных собраниях, когда выбирали нового председателя «из городских». И, бывало, дело не выгорало лишь потому, что колхозники хотели «платить» только трудоднями.

— Если председатель получает зарплату, — рассуждали колхозники, — ему все равно, какой трудодень будет в колхозе. Он свое получил.

Партия показала, как можно решать подобные противоречия по-государственному. Часть расходов по оплате председателей колхозов, посланных в деревню из города, принята на первое время на государственный бюджет, и одновременно начисляются трудодни от колхоза.

Одно конкретное противоречие решено, но в жизни постоянно возникают другие формы и разновидности такого конфликта. Если разобрать с этой точки зрения, скажем, «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», нетрудно заметить, что агроном Настя Ковшова защищает интересы колхоза каждый раз, когда против них выступают руководители МТС. Настя ломает утвержденные планы посевов, задерживает выход тракторов из ремонта, отказывается заменять семена. Может создаться впечатление, что, защищая интересы колхозов, Настя встает против интересов государственной формы собственности, против интересов МТС. На деле же она защищает как раз интересы государства, подлинные интересы самой МТС. В конечном счете то, что идет на благо государству, приносит пользу колхозникам, и наоборот.

Не случайно, что перелом в психологии директора МТС Чаликова начинается с того момента, когда он впервые осознает, что кажущиеся ему «высокими» интересы его МТС не есть еще государственные интересы, интересы народа и что у него под носом, прикрываясь видимостью государственных интересов, процветают бюрократы и карьеристы. «...Пришло мне в голову: ведь для нас всех клевера и севообороты — это проценты да планы, а для нее, для Настасьи, клевера — это судьба и Варвары, и Катюшки, и Танюшки, и бабки».

Можно поставить вопрос и шире: работники, пришедшие из города, должны не только учить, но и учиться. Этот диалектический процесс великолепно раскрыт в образе Давыдова из «Поднятой целины». Так поступают герои Г. Николаевой, так поступает герой рассказа Павла Нилина шахтер Тишков («Знакомство с Тишковым»), так поступает Алексей Темляков из повести М. Жестева «Под одной крышей». Так происходит в жизни. Вот сормовский кузнец Малинин стал председателем колхоза «Память Ильича». Он умело руководит колхозом и учится у своих колхозников. Об этом правдиво рассказано в очерке П. Подляшука «Дорогой товарищ рабочий» (Альманах «Год тридцать восьмой» № 20).

Неудивительно, что произведения, правдиво изображающие реальную действительность, не могут пройти мимо этих конфликтов. Однако критика наша до сего времени не сумела дать четкого и ясного определения природы такого рода конфликтов, возникающих на почве различного понимания интересов двух форм социалистической собственности. Критика вообще не учитывала влияния этих важных экономических факторов в развитии конфликта.

В этой связи хочется остановиться на статье Г. Фиша «На колхозную тему», опубликованной недавно в «Новом мире». Г. Фиш почти нащупал социально-экономическую природу подобного конфликта. Оставим в стороне общий разбор статьи, коснемся лишь вопроса, затронутого нами. Анализируя повесть Г. Николаевой, Фиш пишет: «Здесь же даже в служебном положении героев заложено зерно возможных конфликтов. Агроном, по сути дела, должен быть «представителем урожая» колхоза и спуска не давать механизаторам, если они работают только как подрядчики». Однако далее Г. Фиш теряет нить правильной мысли. Вместе с этим кончается убедительность рассуждений. «Возникающие при этом конфликты, — утверждает Фиш, — обостряются тем, что разгораются они не между людьми, равными по своему положению, а между начальником и подчиненным». Как будто острота конфликтов зависит только от того, сколько ступенек служебной лестницы разделяет героев. Ложное определение, основанное на должностном принципе.

На самом деле, возникающие при этом конфликты обостряются тем, что разгораются они между людьми, по-разному понимающими интересы двух форм социалистической собственности. Зато в выводе Г. Фиш снова выбирается на правильный путь. Да, «здесь место уже не водевильным недоразумениям, не шальным капризам, вызванным произволом автора, а самым подлинным коллизиям, для преодоления которых требуется немалая сила воли и принципиальность». И — добавим — умение отличать интересы местнические от государственных. Государственные интересы — всегда самые правильные интересы.

Разумеется, попытка свести все многообразие сельской жизни к одному конфликту между различным пониманием интересов двух форм общественного была бы грубым упрощенчеством. Реальные противоречия действительности неизмеримо богаче любой классификации. На место побежденных, выбывших из строя противоречий тотчас встают новые — борьба с ними не прекращается ни на минуту.

И в этой борьбе бок о бок с колхозным крестьянством участвует сельский рабочий. С помощью коллектива он воспитывает в себе трудовую дисциплину, овладевает все более усложняющейся сельскохозяйственной техникой, освобождается от остатков собственнических пережитков. Он находится в периоде становления, этот многогранный, зачастую противоречивый образ, и он ждет своего отражения в литературе, что поможет ему быстрее расти дальше.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМИРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-84-28, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.

Б04129.